В. Г.

Написано в застенках

Петербургские Кресты

Невыдуманные истории

Роман-хроника

РЕНОМЕ
Санкт-Петербург
2008

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В11

ISBN 978-5-98947-139-3 © В.Г., 2008

ВГ — это аббревиатура от имени и фамилии автора. Данная книга прежде всего не коммерческий, а творческий проект, поэтому автор не считает целесообразным делать акцент на свои полные данные. Прежде всего, на ВАШ (ЧИТАТЕЛЬСКИЙ) суд выносится творение, и суждение интересно лишь о нём, а не об авторе. Поэтому выбросьте из головы мысли на тему «кто автор?». Автор — ВГ, и остановимся на этом.

*Всё, описанное в книге, **правда**.*
***Правда**, сюжетная. Все фамилии и имена действующих лиц изменены. Все указанные цифры являются вымыслом. Любое совпадение фамилий, имён и цифр является чистой случайностью.*

Причиной написания этой книги послужила очередная газетная публикация, прочитанная, кажется, в «АиФ», — очередной, вырванный из той жизни обыватель, проведший незначительное время в «Крестах» и похватавший вершки, впечатлительно описывал свои знания доверчивому читателю. Описывал всё безграмотно, неумело и, что самое главное, неправдиво. Да и что он мог знать, видевший лишь поверхность.

— Что за чушь? — в очередной раз произнёс Вадим. — Опять эти командировочные пассажиры пишут всякую дребедень. А обыватель читает и верит, так, возможно, никогда и не узнав настоящую правду. Да в принципе и кто из знающих её будет всё излагать, тем более в книге.

— А ты возьми и напиши, если знаешь лучше, — посоветовал сидящий уже пять месяцев финский таксист, — а я издам её в Финляндии.

— Напишу. Нет, действительно, напишу...

ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИЙ

Первый раз о **«Крестах»** Вадим услышал, учась в военном училище на первом курсе. Это было в Петергофе. Бывший замполит, а ныне заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор Тиуков, собрав батальон, учил подчинённых уму-разуму. Речь шла о поведении и о том, к чему может привести это поведение, плохое, естественно. В качестве примера, в заключение своей речи, он привёл двух оболтусов — курсантов, которые, совершив проступок, находясь в увольнении, попали **под статью Уголовного кодекса**, в итоге получив возбуждённое против них уголовное дело. Одного из них даже поместили в **«Кресты»**...

— Плакал, бедный, чтобы быстрее мы его вытащили, — произносил майор Тиуков, — хорошо, что в итоге не поимели... Так что ду-

майте своей головой. Попадёте, вытаскивать не будем. Поимеют вас там и превратят в девочек.

Первое впечатление, родившееся внутри с чужих слов, состояло из загадочности объекта и страха, который он вызывал. Тогда Вадим и подумать не мог, что этот объект когда-нибудь войдёт в его жизнь, причём довольно надолго.

Эта неуёмная энергия. Он никогда не мог сидеть на месте, и чем взрослее, тем непоседливее он становился. Хотелось дальше, больше, разнообразнее. Фраза из текста психологической характеристики: «...устремлённый вовне...» лучше всего его характеризовала.

Когда он закончил военное училище, через месяц уволился из Вооружённых сил. После морально и физически долгого увольнения он наконец-то получил свободу [*ещё тогда совсем не понимая её истинной ценности, потом всегда и везде он будет писать это слово только большими буквами*] действий. Проявить себя — вот была задача номер один. Оседлость и постоянство? Ни в коем случае! Только творческая активность! Но так как жизнь материальна, на голом энтузиазме далеко не уедешь...

Всё начиналось с мелочи, когда-то, что-то, где-то забрали. Угрызений совести было через край, но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Все в принципе с детства понимают, что такое хорошо и что такое плохо, но не все делают это самое хорошее. А нарушения, любые, это трясина — чем дальше, тем больше засасывает. Безнаказанность рождает вседозволенность. Да ещё этот адреналин, когда понимаешь, что на грани.

Тогда он совершил ошибку, как говорится, сколь верёвочке не виться, всё равно конец придёт. Вот он и пришёл, но это был не конец, а только начало. В одну из тёплых летних ночей, в 2 часа 30 минут [*время врезалось в память*] стали продолжительно долго звонить в квартирную дверь. То ли спал он тогда чутко, то ли проснулся от звонков, но фразу *«Откройте, милиция!»* и шарканье седого старика по коммунальной квартире, открывшего дверь со словами:

«Пожалуйста, пожалуйста» он уже слышал. Привычно бросившись опасности навстречу, он столкнулся на входе снимаемой комнаты с молодыми сотрудниками уголовного розыска.

— Ты Вадим? — и понеслось и завертелось.

В отделении милиции он был первый раз. Два-три человека внутри, на первом этаже, монитор с подключенной камерой на входе и ощущение чего-то искреннего и правдивого — всё это хранит память. По приезде, стоя на площадке рядом с лестницей, непривычно ощущая себя в наручниках, он взглядом проводил уносимую в коробке «кобру (*Panasonic RX-77*)» и подумал о «ворах в погонах», развив этот образ лишь впоследствии. Находясь в возбуждённом состоянии, как ни странно отнюдь не в подавленном и пессимистичном, он прямо и откровенно написал — на предложение сотрудников изложить подробности преступления — «признаю себя виновным в грабеже [*лучшего признания для доказательной базы не придумаешь*]».

Это уже потом он оправдывал свои действия тем, что и доказательства были прямые — лежащие в ящике письменного стола доверенность на вождение и техпаспорт от *Mercedes 600 sell* [*и зачем, спрашивается, оставил*] — и при опознании его опознали. Но тогда... тогда

он просто растерялся. Растерялся, превратившись в ребёнка [*так теряются практически все вновь прибывшие в* ***«Кресты»***]. А учитывая, что он действительно нашалил и воспитывался на фильмах типа *«Место встречи...»* и так далее [*так что побольше таких фильмов, господа режиссёры*], прививших ему положительное отношение к правоохранительным органам [*они представители власти, государства, несущие справедливость и наказания за преступления — именно такой образ был тогда в его голове*], он просто признался.

— Ну, нужно было подробнее.

— Если есть прописка, выйдешь на подписку.

Кто это всё говорил, он уже не помнит, но на подписку он не вышел. Закрыли его в какую-то клетку. Справа через проход, находясь тоже в клетке, кричал постоянно какой-то кавказец. Что, дескать, руки на себя сейчас наложит, повесится, если не выпустят, и т. д. и т. п. Ничего кроме ругани в свой адрес и прикованных наручниками к решётке рук он не добился.

Ближе к утру появился выглядевший около 30-ти следователь Микайлов. Он был в очках и вёл себя так, как будто у него была лишь мания величия в голове.

«Вы все параноики психи», — это его реакция на фразу, вычитанную в каком-то журнале и повешенную на листке бумаги на стену, там, в снимаемой Вадимом комнате в коммуналке, — *Only paranoics survives* (только параноики выживают). Собственно, этим, да ещё своей дерзостью и грубостью в обращении он и запомнился.

Следственные действия **[***кому интересна суть оных, может почитать УПК или узнать на собственном опыте, при условии, конечно, что эти действия будут проводиться по закону***]**, несанкционированный вывоз за пределы изолятора оперативным работником Хомуком — на Васильевский остров в офис потерпевшей стороны **[***при первой же возможности Вадим заявит об этом следователю, а при нахождении на свободе и в УСБ — дяде Вале, который заинтересуется, так как папа Хомука — начальник одного из РУВД; так, для компромата, а не для наказания***]**, беседа в мягких кожаных креслах, словесный контракт с потерпевшим и опять отделение милиции.

В отделении милиции закрыли, после открытой клетки, именуемой везде «стаканом», в камеру. Как узнал Вадим позже, это называлось ИВС — Изолятор временного содержания.

Камера. Нет, сначала дверь. Неуклюжая от массивности, обитая железом и представляющая из себя грубое творение чего-то висящего на петлях. Чего-то весящего, но явно дающего понять, что преграда весомая, обратно не выйти, и кричи не кричи, не услышат.

Чувства и ощущения? Никаких ярко вспоминающихся, слишком свежи были воспоминания о беседе в офисе, фразы «вор должен сидеть в тюрьме **[***и при чём тут вор, если всё было забрано, открыто, попросту отнято***]**» и ответ на заданный вопрос: «А какой я **вор**, я просто налоги не плачу **[***Ах, Россия, Россия...***]**». Никаких ярких воспоминаний за исключением ощущения неизвестного, там, за дверью.

Почти все лица он помнит отчётливо, особенно биолога — божью коровку **[***огромного бородатого учителя биологии, пошедшего в магазин, ограбленного, вернувшегося домой,*

взявшего кортик, морской кортик, подаренный кем-то или оставленный в наследство, и проткнувшего в сердце одного из нападавших]. Какого-то пожилого мужчину и мелкого юного дебила [*дебилом он назовёт его уже потом, когда поймёт суть слов и манеру жизни других по принципу «мой дом — тюрьма»*]. Все накинулись с вопросами: «Как зовут?», «За что?», «Откуда?» и массой других, любознательного характера. Беседа, признаться честно, подняла настроение — не один с проблемой — заставила зарядиться энергией и проникнуться долей оптимизма.

Да, что касается внутреннего убранства камеры. При входе прямо на пороге слева, зацементированный унитаз [*стоящий сантиметров на 20-ть над полом, на цементном постаменте. В дальнейшем приходилось видеть сооружения и повыше*], буквально через шаг настил-тумба из досок, сантиметров на 30-ть выше пола и идущая до конца, до окна [*Окна. Какое оно было? Не помню*], в длину метров 7-мь, в ширину 4-е–5-ть, по диагонали [*ха-ха!*]... Правильно говорит поговорка — «лучше один раз увидеть, чем... [*не помню сколько*] раз услышать».

Время за разговорами пролетело быстро, подошел ужин, дали [*в вырезанное в двери, по центру, окошечко, называемое попросту «кормушкой»*] котлеты с макаронами — в ИВСах, как правило, хорошо кормят, т. к. привозят готовые блюда из ближайших столовых [*собственно, что за столовые, я не понял до сих пор*] — в алюминиевых мисках [*не тарелках, а мисках, именуемых в этих местах «шлемки»*]. Алюминиевые миски, алюминиевые ложки [*алюминиевые огурцы...*], всё это было знакомо ещё по военному училищу. Еда была более-менее. Можно даже сказать, вкусной.

Унитаз [*именуемый в застенках «дальняк», редко «параша»*]. Его возвеличивание, возвышение было неудобным с точки зрения скромности, да и вообще приличия. Но опорожнять кишечник надо, скромность в сторону и... хорошо, что у кого-то была туалетная бумага.

Быт. Так начинается новый, можно сказать с полным основанием, тюремный быт.

Надежды были. Были, но оказались призрачными. Постановление об аресте, лёгкой рукой подписанное прокурором, и этапиро-

вание... в **«Кресты»**. Страх? Процентов на 10-ть. Больше ужас. От погружения всё дальше и дальше. В трясину. Была последняя попытка — надежда на всесильного офисного Вову. Выслушал, но не помог. Правда, в дальнейшем обещание сдержал, никто на следственные действия и на суд не являлся.

Дня два или три пришлось пробыть в этой каморке. Возможно, каморка даже и не подходящее словообозначение камеры в ИВС. По метражу каморка, но по освещению вполне прилично.

Пожилой исчез через суток двое. Пошли подозрения, что оказался он случайным, подсадным **[***такое часто практикуется в ИВСах — люди (а может, нелюди?) ошеломлены происходящим, особенно если первый раз, начинают изливать душу, должен же кто-то всё это слушать и доводить. Вот и слушают по дня два, то там, то там, получая за это... А это уже по договорённости с оперативниками, операми, ментами, козлами (действительно, как много грязных эпитетов)***]**. Что он там выслушал — не знаю, но проблем никаких **[***да и какие могут быть проблемы, если всё признано***]** впоследствии не было.

Бородатый биолог был единственным нормальным среди всей этой компании [*хотя критерии нормальности определяются в меру испорченности определяющего*]. Этот мелкий дебил, насквозь пропитанный тюрьмою, когда-то уже сидевший на малолетке, рассказывал, как надо себя вести при попадании в камеру уже в тюрьме. Ну и наговорил он тогда всего [*в дальнейшем Вадим такого никогда не встречал. Может, это и было когда-то на малолетке, где колбаса, по словам, похожа на причинное место, но скорее всего это фантазия дебила*], про кидаемые под ноги полотенца, прямо с порога, вытертые или не вытертые ноги и ещё всякую чушь. Хоть это и было чушью, тогда это впитывалось, как вода губкой. Ведь впереди была неизвестность, **«Кресты»**.

Утром вместе с бородатым биологом после проведённого обыска [*который обычно в этой среде называется «шмон»*] — хлопанье милицейских рук по твоему телу, выворачивание носков и вынутые стельки [*иногда дело доходит и до снятия нижнего белья*] — Вадима повезли в **ИЗ 45/1**, или иначе **«Кресты»**, на автозаке.

Автозак [*на тюремном жаргоне обычно автозэк, т. к. заключённый давным-давно превратился в зэка*], автомобиль для заключённых — это одно из величайших изобретений российского автопрома, выполненного, правда, по заказу милицейских чиновников. Сделан он действительно для российского зэка — без автогена не выбраться, хотя можно при желании и соответствующих неполадках уйти через люк, но, кажется, он вообще не открывается, заварен капитально. Никакой схожести с американским типом тюремных автобусов нет и рядом. В них едешь [*хотя сам не ездил и, думаю, не придётся*] и всё видишь вокруг, и чувствуешь себя человеком, а здесь, в автозэке, чувствуешь себя килькой в жестяной банке — где жарко и душно летом, где холодно зимой, — и даже не знаешь, как выбираться, если вдруг автомобиль перевернётся и ляжет на бок, или ещё чего хлеще, упадёт в воду. Тогда скорее всего «хана», решётки закрыты на задвижку и замок, ячейки такие, что еле-еле пролезает спичечный коробок — до **ЖИЗНИ**, в случае чего, не дотянуться. А сопровождение? Ну, эти-то спасутся быстро, защёлку влево или ручку вверх

или вниз — и умирать не придётся. Убегут, вылезут, уплывут и ключи заберут с собою [*хотя, может, кто-нибудь кинет или даже откроет, более человечный*]. Не всё так, конечно, печально, есть «элитные» места около решёток и, сидя на них, в боковую дверь, рядом с которой сидит сопровождение, в окошко видно то, что происходит рядом с машиной, по ходу её движения. Таких счастливчиков когда двое, когда четверо. Счастливчиков увидеть кусочек **СВОБОДЫ** через решётку.

Как хорошо было на улице и как темно и мрачно внутри машины. Поникшие головы — кто в первый, кто не в первый раз — со своими историями внутри, жёсткие лавки и нервно дёргающие сигареты руки. *Атмосфера.*

При погрузке в автозэк была мысль сбежать. Она родилась ещё до погрузки, но возможности так и не представилось. Машина подъехала слишком близко к проёму в стене [*на самом деле этот проём являлся дверью, но называть его дверью, когда он ведёт в заточение, не хочется*], буквально полметра вверх по лестнице — и ты в машине. Неизвестность. Как ехать? Сколько ехать? Что будет дальше?

Состоянием безысходности запомнилась следующая картина: Исаакиевский собор, группа туристов, снующих вокруг с фотоаппаратами и видеокамерами. Шум, гам, интерес, неподдельный, к собору, и ты, катящийся мимо в жестяной банке. И хочется крикнуть: «Спасите, заточили, увозят!..» Но всё это глупо, потому что всё это делает **ВЛАСТЬ**.

Машина резко повернула влево, колёса подпрыгнули, столкнувшись с бордюром пешеходной дорожки, — всё это визитная карточка приезда «домой», уставшие после судебных заседаний зэки, сидящие и не видящие ничего, по ней узнают, что уже приехали — и встали перед воротами-шлюзом **[***красные металлические ворота, даже не ворота, а одна створка, уходящая вбок***]**, не сразу заметными на фоне красных крестовских кирпичных стен. Заехав, машина затормозила. Один из конвойных, собрав оружие, выпрыгнул, — находиться с оружием на территории **«Крестов»** официально нельзя. После этой процедуры открылся ещё один, теперь уже решетчатый, шлюз, и автозэк заехал во внутренний двор **[***всего этого, безусловно, не*

видно из машины, информация приходит со временем, когда наблюдаешь отсюда, изнутри].

Все было незнакомо, таинственно и до боли угнетающе. Здесь всё сразу же било по психике. Вниз ведущие ступеньки, тёмный проход и уже никакого, пусть даже тюремного, свежего воздуха. Поворот направо, по сравнению с улицей тусклый свет «дневных» ламп, и вот она, официальная приёмная — квадратная решётка с деревянным возвышением за ней, этакая барная стойка, и стоящие за ней надзиратели.

Вадим старался не думать, не думать о том, что дальше. Лучше просто смотреть на происходящее, воспринимать то, что происходит, не думая о том, что может произойти. Бородатый был рядом, и возникавшее от этого ощущение, что ты не один, давало уверенность. Здесь самое главное — не растеряться, не позволить подавленности захватить себя. Проведенные годы в военном училище позволяли поставить заслон всему негативному ощущению. Вадим мысленно отстранялся от этой людской массы [*человек 15-ть*], только что привезённой вместе с ним. Чувство превосходства, особенности — я не такой, как они, другой, случайный — помогало.

Всех выстроили в две шеренги перед решёткой-приёмной.

— А, новая прибыль. Руки за спину!

— Хватит пиздеть, хуило.

— Значит, так. Прибыли в следственный изолятор номер один. Все передвижения с разрешения командира. При передвижении держать руки за спиной.

— Называю фамилию. Отвечаете имя, отчество. Год рождения, статью.

И пошло-поехало.

Жестокое обращение, грубость с только что прибывшими, всё это специально для воздействия на психику. На психику новичка. Слушая всё это, понимаешь серьёзность, серьёзность происходящего. Ты в чреве. **ТЮРЬМЫ**. Всю эту грубость можно принять за специальное психологическое воздействие, может, оно и задумывалось кем-то, когда-то. Именно для обуздания, сломления, для того, чтобы растоптать преступника. Может быть. Но со временем Вадим понял, что это лишь проявление слабости. Слабости

там, на **СВОБОДЕ**, превращающейся здесь во власть.

— Грабители хреновы. Удавил бы вас всех. Только зашёл в подъезд, напрыгнули, пырнули ножом, сняли куртку. Гопники, — один из надзирателей высказывал свою реакцию на названную статью, 161-ую **[***в **Уголовном кодексе** Российской Федерации это грабёж, открытое хищение чужого имущества***]**.

Со временем, где-то через года полтора, Вадим вспомнит его, узнает, как его зовут, и будет использовать его как «ноги» **[***сокращённо в тюремной переписке «н.». Обозначает попросту человека, способного выйти на **СВОБОДУ** и что-либо сделать — встретиться с кем-нибудь, что-нибудь занести***]**. Колян будет приносить ему батарейки для наручных часов, звонить, давать телеграммы и даже приносить водку. Но всё это будет потом. А тогда он даже и предположить не мог того, что будет в дальнейшем. Лишь зрительная память цепко фиксировала лица.

Хотелось оправдаться, ведь сказанная тирада относилась ко всем разбойникам и

грабителям [*дознаватель метко определила, 161-я статья*]. «Я не такой, я ограбил богатых!» — мысль потонула лишь в желании, так и не появившись на свет.

Люди сменяли один другого, выходили из шеренги к решётке, отвечали всё, что требовалось. Ко всему уже перечисленному добавился вопрос: «Был ли на зоне?» В зависимости от ответа назывались разные номера камер [*на тюремном жаргоне «хата»*] — система старается отделять уже сидевших и так называемых «первоходов». Перед Вадимом был назван какой-то уже довольно пожилой мужичок. Ответив положительно на вопрос о пребывании на зоне, он ушёл куда-то налево [*камеры были по обеим сторонам*].

— На зоне был?

— Нет, — в ответе хотелось показать, что ты впервые. Что ты нормальный, неиспорченный. В то же время в нём было некое облегчение оттого, что засиженные урки далеко [*все представления о тюрьме заключались во фрагменте из гайдаевского «Джентльмены удачи», когда герой Леонова, сидя по-турецки, напускал страху на сокамерников*], ведь не-

смотря ни на что, была боязнь. Боязнь из-за незнания.

— Девятнадцатая.

Время часа два дня, командирские, подарок отца на 16-тилетие, точно показывали и отсчитывали время. Ему 20-ть. Нет наркотикам, алкоголю и табаку. Высшее образование, перспективы в дальнейшем и... **ТЮРЬМА**.

Собачник [*подвал в **«Крестах»**, куда привозят и увозят откуда нарушителей закона*]. Кто назвал его так и почему? Наверное, потому, что есть большая схожесть с собачьими конурами. Схожесть тех камер, которые здесь, в подвале, находятся.

По левой и по правой стороне примерно по 10-ть, чуть более, «сидячих [*потому что нужно сидеть*] собачников». Практически одинакового размера — приблизительно 6 кв. м.

«Почему стены такие ужасающие?» — думал Вадим, сидя на бетонно-каменной «лавке». Она хоть и была с деревянной седенькой, но чувствовался холод — цемент и гравий, и облицовка готова.

— Это специально, психологическое воздействие, — кто говорил, он уже не помнит, но это был явно один из «продвинутых», засиженных арестантов.

Психологическое воздействие? Возможно. Но, как понял Вадим впоследствии, причина такой облицовки была тривиальной. В городе-то редко встретишь не изрисованный подъезд или лестничную площадку, а здесь...

Несмотря на жару на улице, был июнь, здесь было прохладно. Да это и понятно — каменные стены с таким же полом, и всё это ниже первого этажа, даже ниже земли, под землёю, в подвале.

Всего было человек одиннадцать. Несколько человек стояло, остальные сидели на П-образной лавке. Воздух. Воздуха не хватало. Поступать в камеру ему практически было неоткуда. Два маленьких отверстия в окне, сделанном из стеклоблоков, да «кормушка», которая была... закрыта. Вот и вся вентиляция.

И несмотря на это, все курили. Курили друг за другом, а иногда и сразу вместе. Та-

бачный дым, духота и отчаяние. Отчаяние оттого, что **СВОБОДА** в ближайшее время «не светит» никому.

Один из находящихся рядом рассказывал о том, как его арестовывали:

— Только недавно сын родился. Приехали-то всего лишь на встречу, поговорить. И тут вдруг налетели, положили на асфальт. Да... Лето только начинается, хотел отдохнуть нормально, а теперь всё лето здесь париться. Надо же.

«Почему-то никто не дорожит **СВОБОДОЙ** на свободе. И вспоминает о ней лишь в заключении. Я, к сожалению, тоже», — думал Вадим, рассматривая конструкцию переговорного устройства, находящегося на стене, близ выхода. Железная пластина с дырками по центру, покрашенная в жёлтый цвет, кое-где уже была поцарапана. Кто-то довольно неумело нанёс всевозможные надписи тюремного содержания — про плохих ментов и про то, сколько дали. Все эти надписи ничего хорошего не предвещали. — «Сколько ещё сидеть? Когда будет ясность?»

— Скорей бы подняли. В хате намного лучше, чем здесь.

«Подняли. Куда подняли? И что там наверху?» — воображение рисовало большое пространство с нарами [*деревянные настилы, стоящие друг над другом*] и раздетых по пояс заключённых в наколках.

Скрежет. Кто-то вставлял ключ в замочную скважину. Обороты ключа, и на пороге открытой камеры сотрудник [*он же мент, ключник и т. д.*]: «Выходим!»

Все вышли, он пересчитал и повёл за собой. Пошли в какую-то комнату, где две девушки, сидя за решётчатым огорождением, записывали всех, Ф. И. О. и т. д., в тетрадь. При этом, занося туда же название и цвет одежды, обуви, одновременно интересуясь, есть ли часы. При наличии часов они изымались, взамен давалась квитанция.

— А как можно забрать?

— Выйдете, заберёте или напишете доверенность на кого-либо, и пусть с той стороны заберут.

— Спасибо, понятно.

«Почему забирают часы? — думал Вадим, отдав свои “Командирские”. — Чтобы лишить цивилизованных условий? Или чтобы не было попыток побега, из-за отсутствия точного времени и контроля за сотрудниками? Сотрудниками... Менты они, козлы, а не сотрудники. Козлы, — почему-то не было ни злости, ни ненависти. — Сам попал, сам и виноват».

Другая дверь. Отпечатки пальцев. Две женщины быстро и умело наносили на пальцы краску, обмакивая их в неё, перенося её уже в виде отпечатков на бумагу. Запомнилась, потому что понравилась, одна из этих женщин. Почему-то она ассоциировалась с алкоголем, развратностью и фильмом «Батальоны просят огня». Этакая боевая подруга, форма была ей к лицу, лет под 40-к.

Отмывать эту краску было довольно трудно. Только губкой удалось добиться результата. Вся процедура, из расчёта численности пришедших, заняла не более 15-ти минут. Периодически взятие отпечатков [*на зэковском жаргоне «игра на рояле»*] прерывалось раздражённостью женщин — почему-то многие не могли правильно заполнить листы

для отпечатков. Вроде бы всё ясно. Типографским шрифтом обозначено, что и где писать, бери и пиши. Но это оказывается не под силу «высокоинтеллектуальным» заключённым. С горем пополам процедура была закончена.

И снова «сидячий собачник». Пока ходили туда-сюда, Вадим успел познакомиться с отцом недавно родившегося сына. Из его рассказа стало ясно, что он уже сидел раньше в **«КРЕСТАХ»**, знал многое и, что самое главное, имел на примете адвоката **[***хоть в отделении милиции* (*сокращённо о/м*) *и появлялся приглашённый следователем Микайловым адвокат Акадов, надежда найти адвоката, способного «вытащить» на* **СВОБОДУ,** *не угасала***]**. Координаты адвоката он так и не дал, ссылаясь на то, что тот слишком много требует за услуги, посоветовав лишь не болтать много в «хате» и не говорить об учёбе в военном училище.

Ближе к вечеру перевели в другое помещение — «лежачий собачник», «спальник».

Нары в два этажа. На первом деревянном настиле темень непроглядная. Ощущение того, что на нём грязно и ползают всякие все-

возможные насекомые, появлялось сразу же после взгляда туда, в темень.

Заходил одним из первых и по примеру многих быстро забрался на второй деревянный настил. У кого-то попросив газеты, постелил на «лежак» и лёг, пытаясь заснуть. Кто-то что-то говорил. О своих злоключениях, надеждах и планах. Кто-то уже делал чифир [*крепко-крепко заваренный чай*], используя для этого полотенца — видимо, ни у кого не было кипятильника, хотя, если бы он и был, подключить его было бы проблематично, розеток нет вообще [*наверное, они когда-то были, но из-за особенностей пользователей давно «умерли»*], и приходится чифиристам [*больные-то в принципе люди, нелюди, превращающие чай в наркотик*] жечь свои полотенца, какие-то другие хлопчатобумажные тряпки, нагревая воду на горящих факелах. Заваривая сразу же по 50-т граммов, «поднимая» затем повторно — горячим кипятильником доводя до кипения, — жуя при употреблении конфету или кусок сахара. Как известно, чай содержит кофеин, который является реактивом, воздействующим на энергетику человека. Отсутствие спирта

[*официальное*], кофе [*потому что его просто у многих нет*] и желание изменить своё физическое состояние в сторону, далёкую от нормальной, родили этот напиток. Не зря он в недалёком прошлом был запрещён в колониях.

Запах горелого материала, сигаретный дым, «высокоинтеллектуальная» болтовня рождали ощущение дикарства в этой среде.

Вечером, часов в 18-ть, стали кормить. Рабочий в чёрном, на тележке подкатил к камере бидон с какой-то кашей [*предварительно дав в камеру алюминиевую миску с обломком ложки*] и наложил полную миску. Практически ни у кого не было тарелок [*как их здесь называют — «шлёмки»*], поэтому никто кашу эту и не брал, засыпая вместо трапезы рабочего вопросами. Суть вопросов была в том, за что и каким образом что-то можно продать. Это активизировались сидевшие рядом наркоманы, многие регулярно употребляли героин на **СВОБОДЕ** и после нескольких дней воздержания пытались «поправиться». За бесценок стали уходить куртки, часы [*у тех, кто их не сдал, они ещё были*] и другие ценные всевозможные вещи. Собрав всё это на пару доз, рабочий не появлялся. Нарко-

маны напрасно ждали до утра и надеялись, так ничего и не получив.

Ночь. Было довольно душно, тревожно, поэтому полноценного сна не получилось. Проснулся от звука открываемой двери, с удивлением обнаружив, что всё-таки заснул. Выгнали криками всех в коридор, по пояс голые выстроились на медицинский осмотр — проверка на наличие телесных повреждений. После беглого осмотра всех опять завели обратно.

— В баню готовьтесь, — удар в дверь и сразу же все засобирались.

С собою не было ничего. Абсолютно. Хоть и забирали из дома, но т. к. ситуация была новой — с милицией общался первый раз, последствий общения не предполагал, да и вообще находился *«в тумане»,* — ничего не взял. Ни полотенца, ни мыла, ни банных тапочек не было. А тут баня. Помыться хотелось, хоть и прошло всего лишь пару дней. Желание ощутить свежесть воды, а также почувствовать радость от её воздействия после многодневного отсутствия, приобретён-

ные ещё на полигоне, усиленно прорывалось наружу.

Вывели всех, прямо по коридору и уже слева кабинки для раздевания. Напротив душевые кабинки, 6-ть ответвлений из труб, по 3-и на каждую сторону, остатки кафеля на полу и на стенах — душ. Загнали человек 5-ть. Пошёл в носках, так как давно уже усвоил — если без тапочек, то возможен грибок. Мыло... Попросил у кого-то намылиться. Вдруг один из стоящих рядом радостно завопил:

— Ну, жена. Положила мне мыло в мыльнице, я и не смотрел до этого, а тут губною помадой надпись.

Он всем, кто мылся рядом, показывал мыло с надписью *«Я тебя люблю!»*.

Вадим надолго запомнил этого чуть толстоватого, высокого типа в очках. Радость его не описать. Эти слова, эта надпись были для него хорошей поддержкой. Показав всем мыло, он с сожалением начал намыливать им губку, одновременно продолжая произносить хвалебные эпитеты жене. Мылись недолго, где-то минут 10-ть.

Пришлось надевать всё на мокрое тело. Кто-то предлагал полотенце, но из-за брезгливости отказался. Волосы на голове были коротко подстрижены, на улице лето, да и внутри не особо холодно, так что особой необходимости в полотенце не было. Чуть больше минуты на сборы и обратно.

Где-то до 10-ти никуда никого не выводили. Кто-то, ранее сидевший и осведомлённый, сказал, что вскоре пойдём проходить врачей. Действительно, после 10-ти всех вывели, и началось:

— флюорография. Недалеко от камеры, где провели ночь. Все функции выполняет рабочий из числа осуждённых зэков [*как, впрочем, и все рабочие*].

— Подбородок вверх. Руки в стороны. Вдох. Следующий. — Проверка на чистоту лёгких, а если быть точнее, на наличие туберкулёза;

— анализ крови. У предыдущих кровь брали из вены. Вадим никогда кровь из вены не сдавал. Биться! Четыре года учёбы в воен-

ном училище и ни одного анализа крови, взятого из вены. Только из пальца.

— Я из вены кровь сдавать не буду. Никогда в жизни не сдавал и сдавать не буду.

— Надо сдавать. Все сдают. Обязательно. Не хочешь неприятностей, лучше сдавай [*до этого Вадим слышал, что в противном случае вызывается тюремный спецназ, именуемый здесь «маски»,* (*потому что ходят в масках на лицах), «Маски-шоу», «Черепахи-ниндзя»...*], — говорила девушка лет 25-ти, высокая и... одетая в белый халат. Фельдшер.

— Шприц одноразовый?

— Да, давай руку.

Одноразовая игла, одноразовый шприц... одноразовые люди. То ли жгут, то ли резиновый шланг, для перетягивания вен. Фельдшеру помогает рабочий, а ты думаешь лишь про...

Мнительность, что ли, была причиной или что иное, но в глазах вроде бы потемнело...

— Солнышко, куда ты? — рука с ватой, пропитанной нашатырём, тянулась к нему.

Резкий запах привёл в чувства. Кровь заполняла шприц, и вскоре процедура была закончена;

— следующая дверь и внешний осмотр на наличие венерических заболеваний. И постоянно в ожидании, когда пройдут все. После одной процедуры все строем к другой двери. И так пару часов;

— фотографирование. Был старенький фотоаппарат *«Смена 8М»*. В профиль и в фас. Два щелчка и рабочий, который фотографирует, кричит: «Следующий». Так и прошла вся «очередь».

Так и прошли все процедуры. И опять в «собачник».

Где-то около 14-ти часов, как раз после обеда, который здесь с 12-ти и до 14-ти, стали выводить. Построили всех в коридоре и стали называть фамилии по карточкам. Отобрав чуть меньше половины, всех увели куда-то налево. Кто-то пробурчал: «На этот крест [*ИЗ 45/1, в настоящее время ИЗ 47/1, состоит из двух корпусов, — в среде зэков,*

крестов — каждый из которых имеет по четыре отделения]».

— Остальные вещи взяли, за мной.

Все оставшиеся пошли направо за командиром [*ещё одно тюремное выражение, так называют здесь любого сотрудника*]. На выходе из тоннеля-коридора «звучащая» дверь, — при открытии звенит звонок — далее свежий воздух. Вышли под какую-то арку, направо и... пространство.

Солнце светило умопомрачительно. Тепло, и так хотелось купаться. Лето.

Построились и двинулись по асфальтовой дорожке. Справа какое-то кирпично-красное здание, слева деревья, растущие так, что напоминают садик, со скамейками и припаркованными автомобилями подле. Впереди асфальтовое покрытие, такое большое, что напоминает плац. Взгляд жадно ловил картинки — влево, вправо, вперёд и на 180 градусов назад, вверх... небо. И мрачно в небе возвышается купол центра одного из крестов. Обогнув далеко не старое на вид кирпично-красное [*здесь все постройки из* ***красного,***

даже ***тёмно-красного****, кирпича*] здание, зашли вовнутрь. Поднявшись по ступеням, командир позвонил в звонок. Электрозамок в сторону — и дверь открыта. Зашли все, столпились перед решётчатой дверью. Пока дверь за нами не закрылась, та, другая, не открывалась. Это так называемая локальная система.

Впереди длинный коридор — галёра на жаргоне и галерея официально. Те же камеры снаружи, как и в собачнике. У кого открыты кормушки, у кого закрыты. Двери, правда, светлее — серые. Там, в собачнике, чёрные. Удручающее впечатление. Наверное, тюрьма и должна быть такой, бесчеловечной. На каждой камере номера, но уже не как в собачнике — белой краской и большими цифрами, а чёрной и на яйцевидно-вытянутом металлическом кругляшке. Кругляшок этот покрашен «под медь», и встречаются такие старые, что кажется, они ещё с девятнадцатого века.

Перед дверным проёмом на круг всех остановили. Командир зачитал несколько фамилий и, скомандовав остальным идти на круг и ждать его там, обратился к уже названным:

— По лестнице наверх [*каждое отделение имеет спуск на первую галерею, кроме того, можно спуститься и через круг*], на 3-ий этаж, в стакан. Поднимаемся!

Лестница расположена в конце галереи, ближе к кругу. Ступеньки железные, старинные, почти что с резьбою. Такую старину в оформлении можно увидеть нередко в старых, даже старинных, питерских домах, точнее, в их подъездах.

Лестницы словно пронзают стрелою галёры, начинаясь с конца одной, плавно переходя друг в друга и заканчиваясь в конце другой. Почти в начале и почти в конце.

На втором этаже, ближе к кругу, решётчатый и застеклённый «кабинет» режимника [*он отвечает за хозяйственно-бытовое содержание отделения*].

На 3-ем «стакан» и корпусная. «Стакан» [*как он называется официально, неизвестно, даже командиры называют его так*] тоже решётчатый, только без остекления, по краям буквой «П» приварены лавки. Корпусная — это подобие «кабинета» режимника, только в корпусной есть телефоны [*прямой и внутрен-*

ний], а в «режимке» нет. Корпусная — это рабочее место корпусного и «ключников» [*корпусной является старшим, а так называемые ключники официально у него в подчинении*], «стакан» — транзитное помещение для заключённых.

Конечно, тогда Вадим ничего этого не знал, идя по лестнице вверх вместе со всей массой. Со всех сторон из открытых «кормушек» сыпались вопросы: «Новая прибыль?»; «С воли?»; «С собачника?»

— С Кировского района кто есть? А из Всеволожского?..

Многие пытались найти земляков. В основном, чтобы познакомиться и иметь возможность «заезжать» к ним [*т. е. обращаться к ним*] за сигаретами и чаем. «Землячество» здесь фальшиво, часто представляет собой лишь видимость, скрывающую истинные причины. Это, как правило, не относится к таджикам, казахам и другим «иностранцам». Те на чужбине действительно поддерживают друг друга в трудной ситуации. Хотя «в семье не без урода», поэтому не абсолютно все.

Зашли в стакан. Сразу же стало тесно. Ждали часа два. По внутренним правилам с вновь прибывшими должен беседовать оперативный работник [*«опер», «кум», «папик»...*]. Видимо, его и ждали. Вся беседа состояла из того, что пришедший сотрудник поочерёдно вызывал каждого и задавал несколько вопросов:

— За что заехал?

— Проблемы [*сексуального характера*] есть?

— С воли помогать будут?

Всё это было обычной формальностью, т. к. вся «новая прибыль» уже распределена изначально. Конечно, если во время беседы всплывало что-нибудь этакое, — либо заключённый оказывался педиком, либо ещё что, заставляющее его отделить-изолировать, или он заинтересовывал опера материально, если проговорился, камеру ему однозначно меняли на другую, свою.

— 405-ть, — в итоге бросил Вадиму корпусной.

К камере подвели 3-их. Вторая галерея, немного темно. Кормушка закрыта. «Ключник», шедший впереди, открыл ключом **[***ключи большие, прямо как у* ***Буратино Золотой Ключик*****]** замок, но дверь на себя не дёрнул, отойдя в сторону.

Возникла двухсекундная пауза. То, что ключник не будет открывать дверь, Вадиму стало ясно, как только тот отошёл в сторону. Двое же других арестантов стояли и не собирались, видимо, предпринимать вообще ничего. Усилием воли протянул руку к ручке **[***металлическая скоба, стоящая горизонтально***]** и дёрнул на себя.

Ожидал увидеть что угодно, только не это. И лысых с бородами, в наколках абреков, и с папиросами в зубах «гнущих пальцы» засиженных зэков, и...

Между койками-нарами **[***на тюремном жаргоне «шконки»***]** натянуты канатики, стоит *шах**мат**ная **дос**ка* и двое, сидя на койках, играют в шахматы.

Зашёл, встал. Следом ещё двое. Дверь закрылась за ними, скрежет дверного замка **[***звук довольно громкий***]**.

Тишина.

Молчание. Длилось довольно долго. Играющие посмотрели на вошедших и продолжали переставлять фигуры. Где-то полчаса.

Вадим стоял, осматривая помещение. Правила хорошего тона принуждали поздороваться, вроде бы так и сделал. Один из зашедших — бомжеватого вида, лысый, в возрасте мужичок — уселся на матерчатый топчан у двери [*здесь, в тюрьме, называется «пуфик»*]. Другой, какой-то молодой тип, ещё моложе, чем Вадим, стоял рядом.

Закончив играть, один из играющих, который был выше, подошёл к вновь прибывшим и разорался на сидящего мужичка.

— Куда своей жопой грязной садишься?

Тот встал и отошёл в сторону. После этого спустили какого-то молодого паренька с 3-ей «шконки» [*камера представляет собою помещение, как говорят, 8 кв. м* (*сам не измерял*), *состоящее из 6-ти шконок, по 3-и друг над другом по обе стороны, а также унитаза и раковины* (*первый «дальняк», «толчок»*)] и, поставив задачу о проверке на наличие бельевых вшей [*по крупному счёту в тюрьме два бича, это бель-*

евые вши, от которых никто не застрахован, так как можно подцепить в собачнике при въезде, и клопы, которые есть в каждой хате (*камере*), *исчезающие лишь на время после обрызгивания*], сели играть заново.

Проверка всех заняла минут 20-ть. Парнишка быстро просмотрел швы на всех одеждах, обнаружив лишь яйца бельевых вшей на одежде бомжеватого вида мужичка. Хоть они и были пустые, так как при сдавливании ногтями не щёлкали, рубашку положили в полиэтиленовый пакет и выбросили на галёру. После чего вышеупомянутый парнишка достал из какой-то сумки рубашку и отдал её взамен выброшенной [*такое, как правило, практикуется, взамен «вшивой» вещи даётся поношенная, но чистая, другая. Только если вещь хорошая, её пропаривают, заливая кипятком, предварительно поместив в полиэтиленовый пакет*].

После этой процедуры началось краткое знакомство:

— За что заехал?
— Как зовут?
— С воли грев будет? и т. д.

Вопросы задавал один из играющих ранее в шахматы, тот, который повыше. Звали его Антон. Как потом выяснилось в процессе общения, он обвинялся в хранении оружия и похищении человека. В камере он являлся старшим, на тюремном жаргоне «рулил» [*«руль», «рулевой», реже «смотрящий»*].

Вообще в **«Крестах»**, как раньше, так и сейчас, существует два вида «рулящих», каждый из которых целиком и полностью зависит от вида камеры. Те в свою очередь, как правило, подразделяются на «сливную» и «купленную», «платную».

«Купленная» или «платная» камера это, как и в прямом смысле купленная [*деньги платятся либо непосредственно оперативному работнику, за которым закреплена камера, либо кому-нибудь из начальства, как по оперской, так и по воспитательной линии. Всё зависит от того, на кого есть «выход», либо отсюда, либо* (*что лучше*) *со* ***СВОБОДЫ****. Конечно, существует определённый вид расценок на покупку, на аренду, но часто он индивидуален и зависит от ситуации и человека. Хорошая камера с внутренним ремонтом, как правило, полуторка или двойная* (*об этих видах позже*) *стоит $300. Если*

*человек богат, по информации оперов, могут заломить и все $500 USA, безусловно, на руку последним будет играть и неосведомлённость первого в этом вопросе. Но это, как правило, исключение из правил. Чаще всего распространён обычный способ арендной платы. Она составляет, где 500-т рублей (**самый низкий предел**), где 1000-у, где $50 USA, где $100 USA. В зависимости от арендной платы варьируются и «дополнительные услуги», предоставляемые камерой. Например, на какой галерее она расположена, куда выходит решётка, т. е. есть ли какой-нибудь вид из окна и т. д. и т. п. Если камера куплена, то её покупатель, как правило, если его не «кидают», сидит в ней постоянно. Если же за камеру просто платят, тем более мало, могут и потеснить, переведя либо всем составом, либо частью, вселив более «щедрых» клиентов. Безусловно, покупка не избавляет от арендной платы, являясь по сути лишь удовлетворением и внутренним возвеличиванием купившего. Ещё раз надо отметить, что каждая ситуация индивидуальна и зависит от статуса покупателя, а также от положения оперативника, если вопрос по камере решался с ним непосредственно.*

*В **«Крестах»** где-то 44-е оперативника. Исходя из количества отделений — 1,2,3,4, это 1-й корпус, 5,6,7,8, это второй корпус, 9-ка (содержатся туббольные с открытой формой) и 10-ка («больничка» для заключённых с пороком сердца... и для отдельной категории «клиентов»), стоящие отдельно и к зданиям в форме крестов не относящиеся — на каждое приходится по 3-и (иногда 4-е) оперативника, один из которых старший опер на отделении, плюс два оперативника на «рабочку (осуждённые заключённые)» и два старших по корпусам, первому и второму. Далее зам. начальника ОО (Оперативный отдел), начальник ОО и зам. начальника ИЗ **45/1** (**47/1**) по оперативной работе.*

*Учитывая вышеизложенное, становится ясным, что положение оперативника (например, старший отделения или зам. начальника ОО) довольно сильно влияет на уровень денежных отношений с ним. И чем выше это положение, тем всё «круче, круче и круче»***]**, так и просто арендованная камера, за проживание в которой «квартиранты» платят месячную плату. Рулит в ней, как правило, тот, кто периодически выходит из камеры для бесед с опе-

ративником. Как правило, потому что бывают редкие исключения, когда рулит один, «вопросы решает» другой. В такой камере заключённых фильтруют, оставляя нужных [*в зависимости от материального благосостояния и полезности для камеры*] и «сливая» [*прося оперативника перевести в другую камеру*] ненужных. Собственно говоря, так и образуются так называемые «сливные» хаты.

В «сливных» камерах может быть как абсолютная анархия, за редким исключением, так и коллективное главенство, а также и единоличное. Более способный, иногда сильный, что-то представляющий из себя в преступном мире, как правило, становится «главарём». Не исключены и другие ситуации, когда таковым можно стать, используя материальные возможности [*«затянув», например, в камеру телевизор*]. По сравнению с «платными» камерами, точнее с камерами, где «решают вопросы», в «сливных» больше вариаций на тему руления.

«Познакомившись», Антон распределил спальные места — Вадиму досталась 2-ая

шконка справа от входа, двое других «осели» на 3-их шконарях.

Собственно говоря, на этом всё знакомство и закончилось, по крайней мере, с остальными двумя новичками. Вадиму же Антон задал в тот день ещё пару вопросов, явно выделив его этим из общей массы. Наверное, потому что он ему импонировал, да и поговорить было интересно. Впоследствии Антон часто доставал автомобильный журнал и, листая его, показывал фотографии, интересуясь, как выглядел тот **600-й Mercedes**. Судя по всему, хорошая машина была его давней мечтой, поэтому он любил пообсуждать определённую марку.

Тюремная нудная камерная жизнь. Быт. Он здесь намного ближе, чем на **СВОБОДЕ**. Собственно весь день из него и состоит. Кушаешь, справляешь естественные надобности, и так каждый день, волей-неволей концентрируясь на этом. Однообразие. Даже если и устраивается в хате периодически разнообразие **[***употребление алкогольных напитков и наркотических веществ***]**, всё равно жизнь здесь слишком рутинна **[***собственно говоря,*

нередко таковой она является и на **СВОБОДЕ]**. Хотя свои преимущества в изоляции от мегаполиса есть. Здесь у тебя нет возможности постоянно быть в разъездах, встречах, разговорах **[***потому что, как правило, нет телефона***]**, нестись в бешеном ритме социума, не успевая порою подумать ни о чём. *Здесь есть возможность угомониться и поразмышлять о жизни своей неспокойной, о смысле её и предназначении МИРА.*

В любой камере-хате из-за перезаполненности живут днём и ночью. Круглые сутки. Днём, как правило, живёт так называемая тюремная элита **[***собственное название***]**, те, кому повезло, кто выбился на этот уровень, кто это купил или кто себя правильно поставил. Численность живущих днём различна и зависит от статуса камеры. Например, при нахождении на 8-ми кв. м 14-ти человек спокойно передвигаться — находиться внизу, а не на спальном месте — может лишь один человек. Где-то 3-и, а где и все 6-ть. Многообразие. Как многие говорят: «В каждой избушке свои погремушки». Стараться описать всё многообразие камерных жизней так

же невозможно, как и выполнить поставленную задачу — описать **ЖИЗНЬ** везде, в больницах, институтах, тюрьмах и на космической станции [*хотя на последней это более реально, т. к. она одна*]. Можно лишь выявить закономерности. Общие. Для многих.

Днём в 405-той, в июле 98-го, постоянно жили 2-а человека. Это при общей численности в 7-мь человек. Ещё двое — помощник на «кухне», тот, который смотрел вещи на предмет бельевых вшей, и Вадим — могли находиться внизу довольно часто и подолгу, в то время как другие спускались вниз лишь ночью. Ночью они вели себя тихо, разговаривали шёпотом, чтобы не разбудить спящих, и имели на всё про всё часов 8-мь. Остальное время находились в горизонтальном положении на шконках. Как-то с одним из них, во время прогулки, когда в камере не было Антона, у Вадима произошла словесная перепалка. Она довольно быстро закончилась, и в конце оппонент Вадима заметил, что в этой камере, в отличие от других, тихо и спокойно, и это спокойствие надо беречь. По его поведению и интонации было видно, что он уже многое

здесь, в тюрьме, видел. Да и сидел он уже больше года и знал, видимо, чем нужно дорожить.

Надежды. Надежды на скорейшее освобождение не покидали.

Приходил следователь Микайлов. Разговаривали в кабинете с решётчатым стаканом [*первый и единственный раз в этом кабинете*]. Видимо, он настолько перепугался, — в ИВС при допросах Вадим был зол и довольно нагл, — что выбрал именно этот кабинет. Даже вели в наручниках, сняв их уже после того, как поместили в стакан. Любопытство было поводом для разговора, без протокола и писанины, куча всевозможных вопросов, часто довольно отвлечённых. Чуть позже, через несколько дней, появился Акадов. Азербайджанец европейского стиля — так его охарактеризовал Вадим. Бойкий, деловой. Был бы только результат.

Самое приятное и запоминающееся. Буквально сразу же, на следующий день, утром, часов в 9-ть — сразу же после утренней проверки — пришла передача. Вещи и продукты. Это мама и отчим примчались сразу же после звонка адвоката.

— Это они приехали часов в 6-ть утра. Заняли очередь, чтобы быть одними из первых. Вот так вот — говорил Вадиму Юра, семейник Антона **[***Семейник. Один в поле не воин, да и питаться одному здесь не принято — камера маленькая, коллектив тоже. Поэтому приходится объединяться, по 2-ое, по 3-ое и т. д. Вся эта команда называется семья, составляющие — семейниками***]**.

Вадим это оценил, по крайней мере внутри, в себе. Сокрушаясь лишь по поводу дороговизны покупок — даже железная кружка — фарфоровые и стеклянные здесь **ЗАПРЕЩЕНЫ** — была куплена в центральном торговом доме Питера, а цены, как известно, там завышенные.

Безусловно, всё переданное облегчило бытовую жизнь. Посуда, полотенца, мыло и т. д. оказались очень кстати. Просить и брать чужое надоело, да и было неудобно и неловко.

Ожидание. Ожидание того, что вот-вот назовут твою фамилию и придёт адвокат, и при-

несут передачу, и закрутится машина... освобождения.

Общение. Сокамерники особого интереса не вызывали. Запомнился хорошо некий Рома. Сидел он за разбойное нападение, хотя и не делал ничего, а был только в машине, ждал. Отец его и муж его сестры, блокировав в лифте коммерсанта, забрали у того 71-у тысячу $ USA. Не придумав ничего лучшего, они проиграли в казино и уже через 3-и дня залезли в квартиру к этому же коммерсанту. Потратив и это «приобретение», муж сестры полез в квартиру ещё раз, теперь уже с крыши через балкон. Альпинистская сноровка в прошлом помогла ему спуститься, но глупость помогла попасть прямо в руки милиционеров [*те увидели его спуск, проезжая мимо*]. Проверив квартиру на наличие ценностей, он зачем-то опорожнил свой кишечник прямо на стол, написал слово «**СМЕРТЬ**» [*по-английски*] на стене и, выйдя из двери, был арестован.

Рома. Сидел он, безусловно, не со своими «подельниками» [*от выражения — «проходящие по делу»*], так как существовало и существует официальное разграничение сообщ-

ников — изоляция. Сидел... и за нахождение всего лишь в машине, но за пособничество в совершении преступления получил 8-мь лет лишения свободы.

— Жалуемся! — излюбленное здесь выражение на каждом шагу. На утренней проверке, при медицинском обходе [*бывает время от времени, раз в неделю*] и вообще практически при любом контакте с сотрудниками.

Запомнилась реакция одного из врачей на утреннем обходе. Реакция на жалобы заключённого по поводу плохого самочувствия:

— У меня температура под 40-к. Голова болит, жар, озноб... — лепечет арестант.

— Ничего страшного. Тюремный воздух тебя вылечит! — отвечает ему врач.

Клопы. Искусали до «не могу». Антон «затянул» через «ноги» баллон со специальной жидкостью. Продержал недели 3-и в бауле и... его забрали при обыске [*на тюремном жаргоне «шмон». Так называемый «положня-*

ковый», т. е. положенный, проходит раза два в месяц. Перевернут — когда сильно, когда не очень — всё вверх дном, — хотя инструкции по обыску требуют класть всё проверенное на свои места — заберут запрещённое и уйдут]. Так с клопами и не «повоевали». Спустя где-то месяц кусать почему-то перестали.

Питание. На тюремном жаргоне вся выдаваемая пища называется баландой. Это обычные каши, иногда с мясом [*тушёнка*]. «Ассортимент» практически такой же, как в армии [*здесь многое с неё «слизано», как в тюрьме, так и на зоне*]. Всё зависит от того, что есть на складе. Бывают даже овощи, но редко. Рыбный суп здесь называется могилой. Иногда, видимо, когда многое заканчивается, мешают всё с чем ни попадя, например, перловую кашу с квашеной капустой. В обязательном порядке даётся хлеб [*до середины 2001-го лишь чёрный*] и сахар [*норма на одного человека 30 г*]. Все остальные «разносолы», если зашлют с воли. Официально разрешены лишь сухие продукты, каши быстрого приготовления — залил и готово, так называемые «запарики», макароны и прочая, прочая, прочая... Ни молока [*простого*], ни

сметаны, ни кефира нельзя. Соки только сухие, сгущённое молоко в полиэтиленовых бутылках [*железо не пропускают*], варёный картофель [*сырой нельзя*] даже пропускают время от времени. Вообще, всё зависит от смены на приёме передач [*работают два через два*]. Какая пропускает, какая нет. Из любой ситуации есть выход и из этой тоже. Договариваются. Идут в ход шоколадки и деньги. И продукты питания, неразрешённые, несут и несут в мешках [*мешки из-под сахара и из-под картошки*] в камеры.

Ничего особенного в то время не происходило. К рутинной тюремной жизни Вадим привык за месяц, чуть меньше. Повесив цветную простынь на канатик вдоль стены, создал уют [*как принято говорить в тюрьме: «по возможности»*]. Читал газеты, журналы [*они здесь, как правило, давние-давние, 4–5-летней давности*], какую-то рекламную брошюрку про красоты Финляндии и время от времени, т. к. Антон включал TV лишь на хорошие фильмы, смотрел телевизор.

Курение. Вадим не курил. Антон тоже, Юра вроде также. Остальным разрешалось

курить лишь вне камеры. Они, конечно, дымили по ночам, втихую, в «вытяжку» [*отверстие в углу, в стене, наподобие дымохода*], и Антон даже пытался пресечь это, но зависимость была сильнее.

Всё на виду, при желании всё замечаешь. Заметил Вадим и низменность человеческую. Часто читая по ночам, он видел, как идёт борьба между «ночниками» за хлеб насущный.

— Мне побольше положи. Себе-то вон какой кусок положил, — неслись упрёки в адрес того, кто раскладывал баланду из общей шлёмки.

До какой же границы низмен человек?

Ответ на вопрос даёт сама **ЖИЗНЬ**. Точнее, жизненные ситуации. И чем они труднее и больнее переносятся, тем отчётливее проявляется человеческая внутренняя сущность каждого.

— Да, покатался я прилично. И со строгачами сидел [*общее название ранее сидевших*

арестантов], и по таким хатам проехал... Заехал в одну, так мне без разговоров по голове заехали сковородой [*если в хате нормально с деньгами, то есть не только сковороды, но и тостеры с соковыжималками*]. Потом кинули в другую, более спокойную, так я лёг у решки на матрац и больше мне ничего было не надо, — говорил Антон.

В камере не пили. Антон читал обычно свою настольную книгу «Синтез Йоги» Шри Ауробиндо Гхош и даже зачитывал отдельные фразы. Юра, кстати главный энергетик, подозреваемый в получении взятки, как правило, читал журналы, смотрел TV и довольно часто, причём мастерски, играл в шахматы. Вадим старался при случае составлять им компанию, то с Антоном сыграет в шахматы, то с Юрой поразгадывает кроссворды. Но тесного общения не получалось, видимо из-за разницы в возрасте, с Антоном на 11-ть лет, с Юрой и того больше — на 15–20-ть. Антон периодически показывал свои фотки — вот он в Индии на рикше, вот он на фоне пальм...

Время летело медленно. Медленно, когда смотришь вперёд, и быстро, довольно быстро, когда смотришь назад.

Прошёл день рождения — 21-н год. Антон уехал на этап, суд у него был в области [*этапом называется любой вывоз за пределы изолятора*]. В камере началась «анархия». Ещё при Антоне заехал [*«закинули», перевели... — поместили в камеру*] некий «Алик-Одесса» [*прозвище, погоняло, кличку здесь либо дают, либо арестант сам её придумывает, подписывая таким образом все свои записки. На тюремном жаргоне «малява»*], мошенник по призванию и аферист. Сидел он уже чуть больше года, правда, за кражи, а не за мошенничество.

— Вы мне скоро на голову сядете, — часто восклицал он, обращаясь ко всем.

Заехав ещё при Антоне, нормально с ним общаясь — улыбаясь, шутя, вместе кушая, — после его отъезда он начал настраивать всех в камере против него.

— Вы его не слушайте вообще, когда он приедет. Пошлите его куда подальше...

Так Вадим первый раз столкнулся с — именно так всё это называется на тюремном жаргоне — интриганством и интриганом. «Одесса» был именно интриганом. Два его жизненных принципа-правила: **«Наеби ближнего своего [***Ах, богатый и могучий русский язык***]**, **дабы он, не наёбанный тобой, не наебал тебя первым»**; **«ЧЧВ — человек человеку волк»**, постоянно сквозили в его действиях. Сегодня ты для него «друг» **[***видимо***]**, завтра при других он тебя обольёт уже грязью.

К нему часто приходила его гражданская жена, Оксана. Так как камера была на 2-й галерее, из 405-той «не стреляли» **[***записки, которые написаны на* **СВОБОДУ**, *выстреливаются за пределы изолятора из бумажного духового «ружья». Оно представляет собою скрученные в трубочку газеты, диаметр произвольный, нередко делается по батарейкам. Ружья, как правило, 2–3-х коленные, в местах стыка они запаиваются полиэтиленом. При нормально сделанном ружье и хороших лёг-*

ких пуля, которая делается из бумаги с углублением внутри под палец, с хлебным наконечником на конце для веса, может пролететь все 60–80-т метров. Записка-малява закладывается вовнутрь], вся стрельба велась из камеры выше. Оттуда пули с сообщениями отлично долетали и попадали адресату. Общение. С теми, кто на **СВОБОДЕ**, обычно общаются таким способом, он самый простой и доступный [*в отличие, например, от сотового телефона, который есть не у всех*]. С той стороны отвечают, как правило, написывая рукою буквы по воздуху. Либо пишут так, либо вообще никак. Соберут малявы и уходят. Безусловно, для тех, кому разрешает орган ареста, один раз в месяц можно сходить на часовое свидание, телефонное — через стекло смотрите друг на друга, разговариваете через телефонные трубки. Более дорогой способ — это оформить родственника помощником адвоката. Довольно часто в последнее время родственника оформляют в качестве общественного защитника, тогда он приходит довольно часто и видеться с ним можно так же, как с адвокатом, без перегородок.

Это практически все варианты общения с теми, кто на **СВОБОДЕ**.

Если люди платёжеспособны, отсюда или оттуда, то можно устроить и личное свидание, проведя в изолятор человека и вызвав арестованного в подвал. Нередко сам следователь приводит, якобы для участия в следственных действиях, кого-нибудь с собою.

Общение внутреннее. Признаться честно, слово общение (общаться) в тюремных условиях так искажается, что от одного его звучания становится противно. Как правило, в тюрьме с общением связан поиск наркотиков, наведение интриг и козней. Одна грязь.

Передача маляв [*записок*] между камерами может происходить как через рабочих, раздающих пищу [*на жаргоне «баландёр», официально раздатчик пищи, и баланда соответственно*], так и другими, чисто тюремными способами. В разряд других можно отнести и сквозные дыры [*как правило, в районе вытяжек или, как было в 405-той, в месте, где крепится батарея*], и так называемые дороги [*что ближе всего к тюрьме, этакая её*

основа] — из камеры в камеру через зарешеченные окна закидывают длинные, из х/б ниток или из шерстяных, канатики [*именно канатики, а не канаты, толщиною в мизинец, чуть меньше*]. И по этим канатикам из камеры в камеру идут малявы и бандяки [*ещё одно выражение из тюремного жаргона, обозначающее полиэтиленовый пакет с любым содержанием внутри, как правило, это «заваруха» чая да пяток сигарет*]. Туда-сюда, сюда-туда. Три стука в стену или в пол (потолок) — внимание, дескать, зовём, два стука — отбой. Канат, который кидают ниже этажом, через решку обычно, называется конём. Нередко, когда нет никаких движений-передвижений на галерее, кидают из камеры в камеру напротив друг друга. Умудряются закидывать даже по галёре через одну и две камеры по одной стороне. Официально существует изоляция между камерами, подельники вместе не сидят, поэтому всякое общение, межкамерное, запрещено. Но, как говорится, «голь на выдумки горазда», вот и выдумала она когда-то давно эти способы... бр-р-р... общения.

Ночью, часа в 2-а, назвали по фамилии через закрытую дверь, стукнув предварительно по ней. Добавив: «С вещами».

Радостное оживление в голове. Наконец-то действия. До этого, дней за пять, приходил адвокат и говорил, что скоро Вадим поедет «на меру» [*в тюрьме это звучит именно так, официально — на суд, по поводу изменения меры пресечения*]. Вот и настал момент. Вещи не брал. Быстро оделся и стал ждать.

— Подогнал бы мне эти ботинки, Вадим, — это активизировался «Одесса», — или давай обменяем?

— В чём заехал, в том и выйду, — отрезал Вадим.

В тюрьме многие живут за счёт других. Вещи обменивают, проигрывают — всё это в этой среде называется «развести». Нередко практикуется откровенное попрошайничество-убалтывание.

— Подгони. Ну, подгони, что тебе жаль, что ли...

Многие из-за внутренней мягкости, как правило, или по другим причинам «разводятся».

«Без лоха и жизнь плоха!» — этот девиз, жизненное правило встречается здесь на каждом углу.

«Выдернули» [*открыли дверь и выпустили из камеры*] часа в 4-е утра.

— Вниз по лестнице, на круг, — скомандовал корпусной.

Спустился по лестнице на круг. Впереди, по центру, стояли 3-и «маски». Все арестанты, лицом к стене, руки за спину, стояли правее.

— В затылок последнему вставай, — рыкнул один из «пчеловодов» [*ещё один эпитет тюремного спецназовца из группы «ТАЙФУН» — последнее общее название тюремного спецназа*].

«Вот я и на кругу, — думал Вадим. — Ночью при тусклом свете всё по-другому. Днём

оживление. “Движуха”. А ночью... Именно ночью на кругу понимаешь всю серьёзность и величие застенков [*хотя это до поры до времени, пока не привыкнешь. Ведь человек такая скотина, ко всему привыкает*]».

Круг. Круг — это центр креста, с высоким, как в церкви, куполом вверху и натянутой сеткой между вторыми галереями внизу. С кучей кабинетов по всему диаметру на этажах. Центр. Походов к адвокату, на свидание, этапы и... в подвалы к операм, на раскрутку.

Собрали всю четвёрку, всех, кто ехал сегодня за пределы изолятора. Собралось человек 25-ть.

— Называю фамилию, поворачиваетесь. Отвечаете имя, отчество, год рождения, — голосил корпусной.

— Степанов...

Проверив всех, те ли стоят, скомандовал: «Налево, руки за спину, за мной». Впереди корпусной, сзади вереница зэков, замыкает маска. Шли по 4-ке к выходу.

«Обратно. Это же обратный путь, — думал Вадим, — на **СВОБОДУ**!»

Кто-то полез к открытой кормушке по пути движения, то ли за малявой, то ли ещё за чем, и получил от идущей сзади «маски» пинок по заднице — сам виноват, обнаглел, не увидел представителя власти.

Вышли на улицу. Сердце защемило. Лето. Тепло. Ночь. Ночное небо. Звёзды. Хотелось рвануть...

— В колонну по двое разобрались!

Пересчитав, корпусной повёл дальше. Сзади замыкал шествие спецназовец.

Шли тем же путём, что и тогда, на первый крест, после распределения. Чуть левее осуждённые в черной рабочей форме получали хлеб в хлебных лотках, из большого окна в здании. Звенящая дверь. Прямо. Поворот направо и... приёмная. В шеренгу по двое. Фамилии, номера камер и... ждать.

Ждать приходится долго. С 4–5-ти до 9-ти. Кто дольше, до 10-ти. Люди сидят и ждут своего часа, когда приедет автозак с конвоем и заберёт.

Ожидание смерти подобно. Кто читает газету, кто спит, кто слушает музыку по радио. И все, практически все, курят, курят и курят. Дымовал.

Ближе к 8-ми проверка-пересчёт. Внешний осмотр — по пояс голые — на наличие синяков. Обыск [*шмон*]. Беглый просмотр карманов, содержимого пакетов, сумок и опять сидеть... ждать.

Первого выдернули где-то в 8-30-ть, в Горсуд. Перед этим, в 7-мь часов, завели процессников [*тех, кто ездит на суд каждый день и поэтому «приходит» позже других — если есть разрешение судьи, за отдельную плату этот вопрос можно решить с корпусным, «выдернут» позже*]. Те ждали движений часа 2-а.

Стало пустеть. Из пятнадцати человек, заведённых в камеру ранее, осталось всего 3-ое. Спустя время выдернули и остальных. Вадим остался один.

«Почему не выдёргивают? Что стряслось?» — вопросы проносились в голове, оставаясь без ответа.

Часов с собою не было, время, казалось, остановилось. Неизвестность плюс ожидание внутри — **ТОСКЛИВО**.

Через огромное количество времени дверь открыли. Завели одного арестанта. У него были электронные часы, показывали они 15-ть часов. За эти долгие часы Вадим внутренне совсем извёлся, хотя внешне сохранял спокойствие — ждать он умел, и набросился на заведённого арестанта с вопросами. Выяснилось, что тот ездил на суд, но из-за того, что не пришли свидетели, суд перенесли.

— А меня так и не дёрнули, — констатировал Вадим.

— Видимо, конвой не приехал. Или заявки не было, — заметил собеседник [*для этапирования из изолятора, сначала присылается запрос-уведомление от органа ареста и вывозимого «готовят» — спускают в «собачник». Затем приезжает конвой и привозит листы-подтверждения на вывоз. Последние составляются непосредственно перед вывозом, за сутки, и могут не содержать в себе заявки на кого-либо запрошенного ранее. В итоге арестант так и «торчит» в собачнике до приезда остальных, кого не отпустили*].

— Я своему адвокату втык вставлю, — горячился Вадим. — Неужели нельзя было дать отбой?

Со временем стали закидывать по одному, по двое, по трое съездивших «счастливчиков». «Счастливчиков»... Горечь, боль и пустота в глазах. В их глазах. Ощущение от всего виденного, слышанного не передать.

— Дали восемь...

— Прокурор «запросила» 6-ку. Перерыв 10-ть минут. Последнее слово и судья влепила 6-ть. Сколько «запросили», столько и дали...

— 15-ка. Я в отказе, один хрен влепили.

На Вадима это произвело прескверное впечатление. Со многими, кого «закидывали» после суда, он сидел полночи в собачнике. Видел их лица, полные надежд... Тогда. А сейчас выражения лиц были совершенно другими — какими-то чумными, озабоченными, угасшими и погасшими. Кто-то пытался смеяться, но нервно, шутить, но неестественно. Практически из десятки вер-

нувшихся девятерых «окрестили» [*ещё одно, признаться честно, прескверное тюремное выражение*]. На «незакалённого» ещё тюрьмою Вадима всё это воздействовало довольно мрачно. Было ощущение, как будто ты перенёсся во времени. Не видел происшедшего, а увидел сразу результат.

После обыска немного продержали ещё внизу и партиями стали «поднимать».

Вернулся уставший и злой, злой на адвоката за ожидание.

В камере ничего интересного не происходило. Антон так и не приехал. Юра уехал тоже, судиться. С «Одессой» было повеселее и посвободнее. Если Антон все «заходившие» продукты складывал в баул и выдавал по своему усмотрению, то Алик-Олег, раскрывая баул, кричал: «Что будете питонить?» — обращаясь к Вадиму и ещё одному сокамернику. Надо отдать должное, он был демократичнее во многих отношениях — знал, чем расположить к себе людей.

Адвокат пришёл где-то через неделю. Уже со следователем из военной прокуратуры.

Выяснив, почему не состоялось судебное заседание, — Акадов сослался на то, что в тот день дежурил не очень хороший военный судья [*уголовное дело из-за идущего по нему в качестве обвиняемого подельника-курсанта было передано в Военную прокуратуру, как следствие, Военный суд и военный следователь*], поэтому надо было перенести, — Вадим набросился с упрёками на Акадова, утихомирив свой пыл лишь после негативного удивления следователя.

Показания по уголовному делу и, как итог беседы с адвокатом, новая дата судебного разбирательства, всего через четыре дня.

Время до суда тянулось долго. Особо ничего не радовало. Вадим слушал приколы и рассказы «Одессы» и ждал. Ждал, надеясь на освобождение.

— Да что вы его провожаете, — ворчал «Одесса», часа в 3-и ночи, — всё равно не отпустят.

За сутки до этого он объяснял, как надо вскрывать наручники, приводя в пример свои

успехи в отделении милиции, когда он булавкой открыл наручник и сбежал, выпрыгнув в окно. Булавку «Одесса» носил на обратной стороне джинсов, на уровне пояса.

У Вадима в голове мелькнула отчаянная мысль.

— Дай булавку, Олег!

— Держи!

«Одесса» полез в баул за джинсами и, отстегнув булавку, протянул её Вадиму. Тот сразу же пристегнул её на изнанку своих джинсов, слева.

— Так, на всякий случай, — добавил Вадим.

Настрой психологический — вот что самое главное. Вадим бесповоротно решил — «В **ТЮРЬМУ** не возвращаться!»

На этот раз около 10-ти уже забрали. Приехала машина с солдатами, Вадим залез в кунг, на базе Газ-66-го, и помчался, смотря в окно. Везли одного. Вообще одного. Путь

следования был виден отлично. В отличие от «ментовского воронка» в этой машине было стекло, правда, закрытое решёткой, и всё хорошо просматривалось. Улицы, люди, машины, деревья... Глаза жадно ловили **СВОБОДУ**.

Заседание было назначено на 11-ть. Поместили в какую-то крохотную, по сравнению с крестовским собачником, камеру-кутузку. Вадим старался быть внутренне спокойным, но напряжение не проходило. Взгляд то и дело натыкался на надписи на стенах, да на деревянной скамье. Буквы кричали о сроках. Мысли в голове крутились лишь об одном... побеге. Акадов не обнадёжил, говоря, что посмотрим на месте. Поэтому Вадим продумывал свои действия, мысленно вспоминая увиденную дорогу. «Здесь главное — решиться. Если рвануть, дальше только вперёд. Назад путь будет отрезан...» — думал он, когда дверь наконец-то открыли.

Вывели, надели наручники и в зал. Прошли буквально семь метров. В зале уже были люди, там же был и адвокат. Вадима

завели в решётчатый стакан, наручники же при этом не снимали. Сопровождавшие солдаты сели рядом со стаканом, развалившись на лавках. Подошёл Акадов, дал рекомендации по поводу поведения и содержания ответов.

— Встать! Суд идёт! — эта знакомая для многих фраза, фраза начала судебного заседания.

Выступил Акадов. Эмоционально и убедительно доказывая необходимость выхода на **СВОБОДУ** своего подзащитного. Говорил он не очень долго, всего минуты 3–4-е. Поднялся прокурор и...

— Я думаю, целесообразно удовлетворить ходатайство обвиняемого, доводы защиты убедительны.

После этого судья дал возможность высказаться и Вадиму. Тот в свою очередь стал уверять судью в том, что обязательно устроится на работу. Возьмётся «за ум», не будет нарушать закон и...

— Суд, совещаясь на месте, постановил: «Меру пресечения обвиняемому с заключения под стражу изменить на подписку о невыезде. Освободить немедленно, в зале суда».

[ВОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ]

Балансируя на краю пропасти

Признаться честно, Вадим толком, ясно ничего не соображал тогда. Длительное ожидание, моральная борьба и... «Неужели результат?» — не верилось!

Подошёл к двери в стакан, солдат открыв её, снял с Вадима наручники. Далее к секретарю, указать адрес, по которому убываешь, и расписаться. Свободен! Судья уже давно удалился, зал опустел, и никому не было дела до бывшего заключённого.

Акадов с улыбкою поздравлял. Вышел из здания вместе с ним и... **СВЕТ, СОЛНЦЕ, ТЕПЛО, СВОБОДА**!!!

Некий туман в голове и нереальность не проходили. Под ногами асфальт, свобода передвижений и мягкое кресло адвокатской ма-

шины. Совсем недавно жёсткая скамейка в армейском газоне, не менее жёсткая в камере и вот уже мягкое автомобильное сиденье, бурлящая **ЖИЗНЬ** и **ВОЗДУХ**, воздух **СВОБОДЫ**. Разница ощутимая.

Акадов подбросил до «Чернышевской», дал денег и укатил по делам. Ему, ни разу не вырванному из этого мира, состояние Вадима было незнакомо. Тот же, впервые, ровно через месяц и 15-ть дней, перейдя дорогу, направился в метро.

Состояние сна не исчезало. Свыкнуться с мыслью, что всё вокруг реально и ты уже на **СВОБОДЕ**, пока не удавалось. Все спешили куда-то, бежали, летели, и никому дела не было до только что вышедшего из застенков молодого человека. Хотелось крикнуть: «Посмотрите на меня, я появился! Я был в “Крестах”, а сейчас рядом с Вами!» **СУЕТА**, жизненная суета. Что ты был рядом, что тебя нет, **ЖИЗНЬ** продолжалась и продолжается.

Внимание! Гиблое место. Не подходи, не надо

На следующий день, с утра пораньше, Вадим поехал... к **«Крестам»**. Когда выходил, никому ничего не обещал, но ощущение-осознание того, что надо подойти, не покидало. С рождения не был толстокожим, а осознание того, что люди, которых узнал, остались там, в застенках, само собою толкало вперёд. Подошёл, встал на набережной напротив 4-ки и обомлел. Громадное массивное здание с краснокирпичной кладкой стояло перед ним величаво, внушительно и неприступно.

Вадим был один на набережной, не считая одного-двух рыбаков, ловивших рядом рыбу [*около **«Крестов»** хорошо клюёт, т. к. канализация, в которую постоянно выбрасывают пищевые отходы, находится прямо напротив*]. Его, видимо, как будто только и ждали. С десяток рук, казалось их сотни, торчали из решёток и махали ему. Полетело несколько пуль, одна упала рядом, в полуметре. Вадиму казалось, что все **«Кресты»** сверлят его взглядами, и было очень неловко находиться под таким пристальным вниманием. Ощу-

щение было не из приятных. Признаться честно, Вадим даже растерялся от непривычки. Пытался отписывать рукою буквы по воздуху, но особого успеха не добился. Хотел было крикнуть, но...

Провидение:
«Что за глупое человеческое создание? Дали ему свободу передвижений, оно же норовит залезть в каменный ящик обратно. Опомнись, подумай, постой! Опомнись...»

К Вадиму слева подходили двое милиционеров. Сразу он их и не заметил, т. к. был «занят» изучением тюремных бойниц. Заметив, не стал дёргаться и просто продолжал стоять и смотреть на «достопримечательность».

— Ваши документы, будьте добры, — обратился один из них. Оба были молоды, в отутюженной форме.

— Пожалуйста, — Вадим протянул военный билет, второй, сделанный ещё ранее в военном училище и считавшийся действительным.

— Служишь?

— Курсант.

— Сидит, наверное, кто-нибудь из твоих?

— Да нет, просто смотрю.

— Увидим, что машешь руками или кричишь, заберём [*и забирают, так как находиться напротив тюрьмы и ловить записки, кричать и т. д. нельзя. Это нарушает общественный порядок. Обычно, чтобы не сидеть долго в отделении милиции, платятся деньги. Или прямо на месте договариваются, чтобы часок постоять «без проблем»*]. Понятно?

— Да, конечно, понятно, — и вздох облегчения внутри.

«Ну его на фиг. Вчера только вышел и опять в лапы ментам?» — подумал Вадим.

Постоял для приличия — менты удалялись медленно, и не хотелось уходить сразу же, как будто их испугался — ещё немного и, повернув налево, стал уходить из этой негативной крестовской ауры, распространявшейся вокруг.

«Вроде бы вот, **ТЮРЬМА** рядом. Протяни руку и дотронешься. А приходится лишь ходить вокруг и глазеть — никак не связаться.

Как трудно выйти оттуда и как трудно, уже отсюда, “зайти” туда в виде мыслей и слов, к тем, кто ещё там остался, — думал Вадим, сидя на лавочке рядом с улицей Боткина. — Обратно! Обязательно обратно! Надо свернуть эти стены и найти лазейку».

Где-то после 20-ти, вечером, проходя мимо фасада, наткнулся на знакомое лицо — вроде бы ключник. Тот шёл на работу, торопясь к центральному входу.

— Вы не на 4-ке сейчас работаете? — обратился к нему.

— Нет! — тот испуганно обошёл Вадима и быстрее зашагал дальше.

На «нет», как говорится, и суда нет. «Попробую выловить Оксану», — мелькнула мысль в голове.

После получасового ожидания увидел на набережной её. Как только она перебежала дорогу, чтобы поймать пулю, познакомился. Всё объяснил, дал свой телефон и попросил, чтобы из тюрьмы загнали ноги [*«н.» — это единственный способ общения, помимо сотового телефона*].

Вскоре позвонил и человек, назначив встречу: «Связь готова, можете разговаривать».

Куча телефонов в малявах, куча последующих встреч по ним. «Ты просто наши “ноги” на воле», — писал «Одесса». За день Вадим проворачивал столько дел, и всё по просьбам «Одессы» и других, что сам порою удивлялся своей активности.

Провидение:
«Он, видимо, ничего не понимает. Занимается тем, чем не нужно, берёт то, что не надо. Вроде бы не глупец, но сам, видимо, не поймёт очевидное. Очень жаль, придётся помочь. Жаль. Но что поделать».

Спустя 5-ть дней после освобождения поехал к **«Крестам»**, на встречу с Оксаной. Надо было встретиться, поболтать, узнать как дела, да может что «Одесса» напишет. Приехал...

Вадим иногда открывал глаза, осознавал, что лежит и его куда-то везут, и снова проваливался в никуда. Ясности не было, телесных ощущений тоже.

В очередной раз открыв глаза и увидев склонившееся над собою красивое лицо женщины, одетой в белый халат **[***незабываемое было ощущение: физическое тело не чувствовалось вообще; лёгкость в мышлении и отсутствие каких-либо «задних» мыслей — что вижу, то и говорю, не задумываясь, как ребёнок, «резавший» правду про голого короля***]**, выпалил:

— Вы красивая.

Та заулыбалась и стала говорить каким-то тёплым и приятным голосом:

— Тут вещи твои. Надо расписаться, что сданы на хранение. Джинсы, рубашка и ботинок, к сожалению, один.

В голове после последних слов пронеслось сожаление-жалость. Новые, недавно купленные в «Гостинке» ботинки, сохранённые в **«Крестах»**, восстановлению не подлежали.

— А что со мною случилось?
— Тебя машиной сбило.

«Наверное, дорогу переходил неправильно», — подумал Вадим. Женщине, видимо медсестре, каким-то образом удалось таки добиться, чтобы рука Вадима что-то вывела на листе бумаги. Она подняла её, поводила вставленной между пальцев ручкой по листу бумаги и бережно положила руку вдоль тела.

— Четыре часа был без сознания, — добавила она.

Вадим не смог осознать последних слов, так как опять «отключился».

Очнулся ещё раз, когда перекладывали с «каталки» на койку в больничной палате. Пробуждение было недолгим, через пару секунд всё перед глазами поплыло опять. Отключился.

Когда, в конце концов, открыл глаза основательно, было уже далеко за полдень. Пытаясь ощупать себя взглядом, приподнял голову. Тело вообще не чувствовалось. Руками вроде бы пошевелил, ноги же лежали без движений, не слушаясь.

Вроде всё на месте, но что с ногами? Пытался вспомнить, что же произошло, но как

ни силился, не смог. Память открывала лишь приезд на Финляндский вокзал (так называемый «Финбан»), путь до **«Крестов»** и поворот с Михайловской улицы в арку. Далее пустота и лишь одна последующая картина — Оксана с мокрыми от дождя волосами и каплями воды на лице. Больше, как Вадим ни старался, память ничего не открыла, поглотив, как бездна, всё то, что было — дескать, придёт время и сам всё узнаешь.

— А что с ногами, доктор?

— На снимках переломов нет. Сильные ушибы, поэтому такие большие отёки. Плюс сотрясение мозга. Недели две полежишь, выпишем, — говорил врач на следующий день при утреннем обходе.

Отёки действительно были большие, ходить вообще было невозможно, поэтому приходилось только лежать и думать. Нет, не о произошедшем — всё равно ничего не знал (Вадим это воспринял как должное, как собственную неаккуратность), а о будущем, о действиях дальнейших, о **ЖИЗНИ**.

Пролетела неделя, и как-то, с утра пораньше, в палату зашёл мужчина лет 40-ка. Разобравшись, кто есть кто в палате, и определив, что Вадим именно тот, кто ему нужен, он присел напротив койки на стул, недалеко от входа.

— Позвольте узнать, кто вы такой, — стал интересоваться Вадим.

И пришедший мужчина, назвавшийся мужем какой-то женщины, которую, признаться честно, Вадим даже не помнил — но это было не так, просто память всё цепко хранила, стал рассказывать, немного разочарованный тем, что Вадим ничего не знает.

— Вы стояли напротив «копейки», там у меня сын сидит, прямо рядом с прогулочными двориками стояли. Ты, Оксана и моя жена. Ловили малявы от нашего сына, и вас всех сбили. Машина вылетела прямо с дороги на тротуар, проехала дальше и подмяла под себя вас. Слава богу, все живы. Они сейчас на Вавилова, обе лежат в больнице. У Оксаны перелом таза, у моей жены вдобавок ещё пере-

лом бедра и ключицы. Я к тебе приехал, думал, ты что-то знаешь. Беседовал со следователем, тот ничего не говорит, удалось только вытащить из него номер автомобиля. Вот так вот. Ну, ничего, будем бороться.

Впоследствии удалось узнать всю истинную картину произошедшего. Сбили не специально, а случайно — машину подрезали, и та вылетела в более «безопасное» место, а там люди. Единственное, что поразило, так это то, что за рулём автомобиля был один из членов преступной группировки, да и машина была «общаковская» (т. е. принадлежала группировке). И при всём при этом, несмотря на то, что людей сбили у **«Крестов»**, виновники заплатили деньги сотрудникам дорожной службы, следователю, ведущему дело о ДТП (Дорожно-транспортное происшествие) и... наплевали на тех, кого сбили. Всё это зародило в душе Вадима ненависть к любому проявлению преступного мира.

В психушке

Следователь уж слишком рьяно взялся за дело, приобщая к нему все нужные и ненужные бумажки. И как ему в голову пришло приобщить один из оставшихся образцов письма Саддаму Хусейну, изъятый в Петергофе при обыске квартиры, Вадим до сих пор не может понять. Что его так в этом письме «задело»? Может, он не любил Саддама и симпатизировал американцам? А может, в его голове не укладывалось то, как нормальный человек может писать главе другого государства? Что побудило его так подумать, знает лишь он сам, но решение, вынесенное им на основании письма, было однозначным: амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза.

А всё так неплохо начиналось...

****

Вадим, что греха таить, всю свою сознательную жизнь ненавидел Соединённые Штаты. Эта страна для него была страной двойных стандартов, страной лжи и обмана

по отношению к окружающему миру. А главное, это был враг, враг Советского Союза, а теперь и России. И откуда появилась эта шальная мысль — написать письмо Саддаму Хусейну, пожалуй, единственному на тот момент антиамериканскому лидеру? Ну не Ельцину же было писать? Действительно.

«Уважаемый Саддам Хусейн! Внимательно слежу за ситуацией вокруг Вашей страны, осуждаю введение ООН санкций против Ирака. Считаю эту организацию подконтрольной США и неспособной на объективные действия. Поддерживаю Вашу политику и мысленно всегда с Вами».

Переводить текст на арабский отправился в «Ego Translating». Заплатив приличные в то время деньги за экзотический перевод, стал думать, как лучше отправить адресату.

Родившись, мысли вскоре преобразовались в твёрдо принятое решение: «Отправляю через Главпочтамт, DWL, по электронной почте и... лично через посольство».

Первые три отправления прошли «без сучка и задоринки», максай только деньги.

А вот последний... В Питере консульства не оказалось, посольство в Москве нашёл... услышав по телевизору. Денег было впритык, поэтому Вадим поехал до Москвы, как многие футбольные болельщики, на электричках.

Действующий военный билет в те времена творил чудеса. Контролёры не «доставали». Набрав в дорогу хлеба из училищной хлеборезки [*Вадим до сих пор помнит эту женщину, сколько добра она ему сделала, давая хлеб и батоны Министерства обороны*] в 8-емь с копейками сел в электричку на Малую Вишеру. Дальше, прождав часа два, отправился до Окуловки. От Окуловки до Бологого, от Бологого до Твери, а уже от Твери до Москвы. В Москве был в 11-ть вечера. Вопрос с ночлегом для армейского паренька не стоял — на ближайший вокзал, куда можно просочиться, и спать сидя в зале ожидания. Таким вокзалом оказался Казанский. Уже в шесть утра, без жетона, по военнику, ехал в Московском метро. Время было, поэтому решил посмотреть красоты столичных станций. Где-то в 10-ом часу Вадим уже топал по нужной улице.

Настежь открытые ворота посольства, с интересом разглядываемые глазами. Кажется, цель близка. Но, как говорится, не тут-то было. Из будки рядом, а казалось, что там никого нет, вылез... милиционер.

— Вам назначено? — спросил он.

— Нет, я только письмо хотел передать через посла.

— Ничем помочь не могу, нельзя.

— А как же?..

Ну, нельзя, так нельзя. Но это ведь не преграда, когда чётко поставлена задача и есть опыт прохождения полосы препятствий на полигоне.

«Способен на успешное выполнение задачи, несмотря на её длительность и трудности», — гласила психологическая характеристика на Вадима.

Недолго думая, Вадим, обошёл здание посольства вокруг. «Эх, придётся через забор» — спустя время, с помощью стоящего рядом дерева, мысль была реализована. Очу-

тившись во внутреннем дворике посольства, по сути уже Ирака, зашёл в первые же открытые двери. Взору предстал небольшой зальчик в арабском стиле, с коврами на полу и на стенах, какими-то кувшинами и картинами и кальяном. Ни души. Не было никого и за другими, открытыми после, с улицы, дверями. Пришлось подняться на второй этаж, чтобы услышать стук клавиш и увидеть множество разных табличек на русском и арабском языках. Дверь с одной из таких табличек, то ли было написано «Пресса», то ли «Журналисты», набравшись смелости, открыл.

Трое арабов, судя по тёмному цвету кожи, восседали за своими рабочими местами. Все в этот момент работали. На появившегося Вадима отреагировали доброжелательно, стали улыбаться и что-то говорить на ломаном русском. Спросил у них, где посол, на что получил ответ рукой, указывающей на центральное здание. В глаза бросилось бесчисленное количество плакатов с изображением Саддама Хусейна. Они целыми горами лежали на столах. Вадим, как ворона на блестящее, уставился на них. В его взгляде для

всех окружающих читалось одно — желание иметь. Один из арабов понял это без слов. Он отобрал три разных плаката и вручил Вадиму. «Это-о-о Сатам и флаг, это Сатам в наша одежда, это Сатам в костюме Европа», — прокомментировал добродушный араб. Вадим был счастлив [*как мало порою бывает надо для счастья*]. Такие плакаты не купишь и не достанешь. Он от всей души тряс руку доброжелателю и благодарил его.

Оставив ребят-арабов работать в своей комнатушке, Вадим принялся обходить здание. Осторожно, аккуратно, чтобы мент из будки не видел. Вот он уже и внутри.

БОЛЬШЕ ВСЕГО БРОСИЛОСЬ В ГЛАЗА ТО, ЧТО ВСЁ, ВЕЗДЕ В ИРАКСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ БЫЛО НАСТЕЖЬ ОТКРЫТО И НИКОГО НИГДЕ НЕ БЫЛО ВИДНО. ЗДЕСЬ НИЧЕГО И НИКОГО НЕ БОЯЛИСЬ!

Никого. Слева от входа, за прозрачными стёклами, маленький зальчик в арабском стиле. «Видимо, для ожидающих приёма», — подумал Вадим. Дальше холла идти он про-

сто не решился и так и остановился на входе, сместившись чуть в сторону, дабы его не было видно в открытые двери.

«Сколько придётся ждать, как долго? — задавался вопросом. — Ну, главное, цель близка!»

Из левого крыла здания в правое, по коридору, протопали каблучки. Какая-то женщина, не глядя в сторону, прошла по своим служебным делам. Вадим почему-то не решился о себе заявить, промолчал и спустя буквально десять секунд уже винил себя за нерешительность. На его счастье, та же женщина вскоре пошла обратно, и тут, уже решившись, Вадим заявил о себе негромким покашливанием.

— Вам кого? — среагировала она.

— У меня письмо, хотел бы передать его послу.

— Подождите.

Она ушла и спустя пару минут появилась в сопровождении араба в белом одеянии и чалме-тюрбане на голове, тоже, кстати, белой.

— Это советник Усамэ, — представила она его. — Говорите. (Вадиму показалось, что она немного резковата и грубовата.)

Это был не посол, но для разговора на тот момент для Вадима было вполне достаточно.

— Я хотел бы передать письмо Саддаму Хусейну, — начал воодушевлённо автор. — Вот русский, английский и арабский вариант послания.

В этот момент женщина-переводчик давала для Усамэ пояснения на английском. После «появления на свет» арабского варианта все листочки из рук Вадима перекочевали в руки советника. Он пробежал глазами текст вязью справа налево, заинтересованно оторвал глаза и на английском высказал свою реакцию.

— Мы передадим это письмо адресату, если будет ответ, мы вас уведомим, — закончила аудиенцию российская сотрудница иракского посольства в Москве.

****

Запутать двух старых пердунов-психиатров на амбулаторной психиатрической экспертизе, проходившей в здании военной прокуратуры на Шпалерной, не составило большого труда. Как показалось Вадиму, они сами были немного «того».

У них уже ничего давно «не стояло». Поэтому для них звучало ненормальным желание молодого человека при нормальной потенции прекратить заниматься сексом.

— Да, — заливал им Вадим, — сделаю себе операцию, как раньше гитлеровцы насильникам — усечение нервных периферических окончаний, чтобы не было эрекции, и откажусь от этой животной зависимости.

У жаждущих секса, но, видимо, не могущих спариваться докторов человеческой психики, «глаза на лоб лезли» от удивления.

— Надо бы вас, батенька, проверить, — в итоге заявил один из них, с козлиной бородкой.

Если бы тогда Вадим знал, во что выльется эта проверка, обязательно вёл бы себя по-другому.

С распухшими ногами, в тапочках, так как нельзя было надеть другую обувь — последствия ДТП проходили долго, по решению следователя и медицинских светил Вадим поступил на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, при 5-й психиатрической больнице.

Действо началось.

Сначала всё сняли, раздели буквально догола. Основание — не положено ничего из своей одежды. Взамен дали серую пижаму, штаны и куртку. Никаких поясов, никаких бритвенных станков, ничего лишнего.

Так Вадим первый раз в жизни подцепил чесотку. Вот от этой больничной пижамы. И почему они их не прожаривают, пропаривают, не стирают, что ли? Вообще, чесотка — это бич психушек и тюрем. Как это выяснилось в жизни позже. Все, кто проходил экспертизу в тюремной дурке на Арсенальной улице, приезжали обратно с чесоткой.

Дальше санитар отвёл к главврачу, которому Вадим «впарил» то же самое, и в общую большую палату, показать, где койка.

Надо отметить, что на такую стационарную судебно-психиатрическую экспертизу попадают лишь те подозреваемые/обвиняемые, кто находится на свободе. Под подпиской о невыезде. Те же, кто сидит, проходят проверку в тюремной психушке на Арсенальной улице.

Никто на появление новичка не отреагировал. Это сначала, при медбрате-санитаре (звали его, кстати, Вадим и жил он в Старом Петергофе, прекрасно зная ВОКУ). Но стоило ему уйти...

— Ччч-чё на-а-атворил? По-о-од кого косишь? — кричал из дальнего угла пациент.

— Геночка, успокойся, — ответил ему подходящий к Вадиму интеллигентного вида сухонький старичок. — Владимир, — представился он, — художник-реставратор. Вы не обращайте внимания, это Гена, он действительно дурак. Какую-то курицу украл

рядом с домом, вот его на экспертизу и поместили. Вы вообще не обращайте внимания здесь ни на кого. Здесь только пара человек нормальных, я, Диджей и Поэт.

— Что за Диджей? — спросил Вадим.

— С «Балтики». С радиостанции. Себя пытался отравить, да девушку свою. В чай что-то намешал... Обоих откачали, а его сюда, проверяться. А поэт ещё та, знаменательная, личность. Написал в своё время песню «Наташка-Наташка...», здесь тоже стихи пописывает. Да вы располагайтесь, молодой человек, я потом вас со всеми познакомлю, — закончил он свою речь и отошёл в сторону.

Вадим положил зубную щётку и прочие средства личной гигиены в прикроватную тумбочку, проверил, есть ли постельное бельё под заправленным, как в армии, одеялом, и... услышал возглас-предупреждение.

— Будьте аккуратнее, молодой человек, — продолжил вводить в курс дела новый знакомый, — почаще смотрите по сторонам, оглядывайтесь. Здесь у нас есть Ванечка, он любит из-за спины бить подушкой по голове.

Это у него такое развлечение. Его периодически санитары связывают, когда особо буйный. Но чаще он без смирительной рубашки расхаживает. Вас, как новенького, обязательно «звезданёт».

После этих слов Вадим огляделся по сторонам. Через койку от него сидел уже этот самый Ванечка, мял в руках подушку и что-то бубнил себе под нос. Волосы на голове его были взъерошены, лет на вид было тридцать.

— Он свою маму подушкой так и замочил, — продолжал рассказывать Владимир-реставратор, — ударил её, та сознание потеряла, а он подушкой лицо закрыл, она и задохнулась.

«Работаем на опережение» — мысль пронеслась, придя откуда-то со стороны. После неё Вадим, не раздумывая, двинулся к подушко-убийце, попутно, с соседней койки, схватив подушку. Ни слова не говоря, он подошёл к Ванечке и со всей дури ударил того подушкой наотмашь. Псих завалился, а Ва-

дим его пару ударами добил — пригвоздил к койке. После этого проверил пульс, сказал всем: «дышит» и вернулся к своему будущему ночлегу.

Никто из окружающих никак не отреагировал на это. Даже реставратор промолчал. Многие вообще не смотрели ни на что, занимаясь своими делишками. Вадим принялся внимательно изучать всё вокруг. В палате было человек 15–20-ть, точно он не сосчитал. Кто-то спал, кто-то лежал, сидел и бубнил себе под нос свои слова-мысли. Кто-то читал. Один из книголюбов был рядом, и Вадиму удалось прочитать на обложке — Л. Брежнев «Малая Земля». Лысенький мужичок, лет 50-т на вид, изучал разложенные на койке газетные вырезки. Другой психоузник стоял и смотрел в решётчатое окно [*сначала стояла рама со стеклом, затем решётка*]. С виду просто благодать. Даже Ванечка, оклемавшись, перебрался к себе на койку и, охая и ахая, принялся листать какой-то журнал с картинками на всю страницу. Вадим вскоре последовал его примеру и тоже «завалился» на койку. Думать. Так, в раздумьях, его и застал вечер.

— Господа психи, ложимся баиньки. Тушу свет, — заявил ранее не видимый Вадимом старенький санитар. После объявления отбоя он выключил в палате свет. Тот выключался в коридоре.

Началась ночная жизнь.

— Ой, держите меня, не могу! — резкий возглас-крик на всю палату, буквально через минуту после отбоя. И после слов дикий хохот.

В сумерках больничной комнаты Вадима нашёл Владимир.

— Не пугайтесь, это у нас каждый вечер происходит, — продолжал он вводить в курс дела. — Пашка-танкист спать укладывается, а Ванька, которого вы подушкой «набуцкали»... И правильно сделали, поделом ему!.. каждый вечер хохочет. Я тут уже месяц. Каждый раз одна и та же история.

На койке, буквально в центре комнаты, пытался заснуть Пашка-танкист. Он подбра-

сывал простыню, видимо хотел ею укрыться, и мигом ложился. Та, взлетев метра на... три (!) планировала вниз. И каждый раз не на Пашку. Всё чаще на соседей по палате. Те, кто ещё не спал, брезгливо откидывали её на пол. Танкист лез за ней через койки, комкал её в руках и снова подбрасывал.

— Так будет минут тридцать, а то и час, — промолвил реставратор и вздохнул, — мы тут с Поэтом ему уже пару раз простыню укорачивали, чтобы быстрее накрывался.

— А почему танкист? — поинтересовался Вадим, смотря на отход ко сну Пашки и улыбаясь.

— Служил в армии, в танковых войсках. Люк не закрепил, и он ему по башке. После этого и стал дураком. А сидит тут на проверке, хоть и дурак по справкам, но положено проверять. Он машину чужую угнал, а потом разбил.

На всю палату то и дело раздавался смех подушко-убийцы.

— Да заткнись ты! Сука! — Вадим не на шутку завёлся и уже взял в руки подушку.

Смех прекратился. Потом, правда, продолжился, но уже приглушённый и не такой громкий. Наверное, в подушку.

Пашка укладывался ещё долго-долго. Часов не было, а ощущение времени в такой обстановке напрочь отсутствовало. Вадим лежал и наблюдал, лишь изредка улыбаясь, за простынёю и танкистом. Откровенно смеяться ситуация не располагала. «Сколько тут придётся торчать? Когда выйду?» — мысли одна за другой неслись в голове.

Когда палата погрузилась в сплошной мрак, Пашка наконец-то затих. Простыня, в который раз уже спланировав, кое-как накрыла его ноги. «Замучился, бедняжка», — пришла в голову мысль.

Спать не хотелось, да и чего ждать от этих, действительно, психически больных людей, Вадим не знал.

«Час от часу не легче», — мысль-реакция на появившегося психпациента в вертикальном пространстве палаты — кто-то встал среди ночи и стал ходить. Тихо, медленно, шаркая больничными туфлями. То пройдёт метра с три, замрёт, постоит, побормочет что-то

под нос и двинется дальше. Остановки, наверное по длительности мыслей-воспоминаний, были разными по продолжительности.

Кроме этого постоянно ходящего, кто-то не спал ещё. Время от времени раздавались скрипы и шумы, кто-то ёрзал, сидел, вставал, лез в прикроватную тумбочку, стоял у койки и снова ложился.

Туалет находился за дверью, где в коридоре дежурил — сидел и читал книгу, тот самый старенький санитар. Но никто, кроме Вадима, так за ночь ни разу в него и не вышел. Под утро, когда давно уже лёг и лунатик, и никто не вставал, не сидел, не ходил, его сморило.

Проснулся он от луча солнечного света, бившего прямо в глаза. Пока тёр глаза и находил своё место в действительности, в палату в сопровождении двух санитаров зашёл главврач.

— Уважаемые пациенты, — начал он без тени иронии, — какие пожелания, предложения?

И тут же, осмотрев всё вокруг, пройдя немного по палате, — на выход. Никому, соб-

ственно говоря, и не давая сказать о своих пожеланиях и предложениях.

— Мне бы с вами поговорить, — слова Вадима «поймали» его уже в дверях.

— А-а-а, вчера поступивший... Ну-ну, я слушаю вас, молодой человек.

— Мне бы лично, в кабинете.

— Пойдёмте, — это он ответил Вадиму. — Таблеточки не забываем принимать, — это уже, развернувшись вполоборота, остальным в палате.

Вадим не стал больше юлить и в кабинете главврача сразу же «вывел себя на чистую воду». Сказалась бессонная ночь, увиденное и, главное, неопределённость в обретении **СВОБОДЫ**.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!! — заливался врач. — И они повелись на эту лабуду? — реагировал он на рассказ Вадима об амбулаторной экспертизе.

— Я был серьёзен.

— Конечно, у них проблемы, импотенты старые, — сказал он с презрением. — Голуб-

чик, придётся вам две недельки здесь попариться. Правила, понимаете ли. Я должен за вами понаблюдать, чтобы составить заключение. А чтобы вам было менее дискомфортно, переведём вас в палату для тихих пациентов. Чтоб вы больше никого подушкой не били...

— А это какая была палата? — поинтересовался Вадим, уводя в сторону разговор.

— Мы называем её для буйных, — спокойно ответил ему главврач.

Уходя собирать вещи и переезжать, Вадим всё думал про себя: «А у главврача есть ли проблемы с потенцией?» Выйдя из кабинета, увидел очередь в коридоре. Это буйные пациенты стояли за получением таблеток. Когда они их получали — маленькие такие, зеленоватые, две штучки, — им давали воду, чтобы запить, и проверяли после рот, проглочено ли.

Пройдя мимо раздачи пилюль, Вадим быстренько собрал всё из тумбочки в пакет.

В этот момент к нему подошёл реставратор.

— Меня тоже скоро переведут, — с неуверенностью заявил он. — А потом и вообще выйду. Мать заявление заберёт и выйду.

— А чем она недовольна, мать-то? — поинтересовался Вадим, собираясь выходить.

— Кошек ей жалко. Совсем рехнулась, дура! Я новую живопись открыл. Понимаешь? Пишу картину, — он вдохновенно прикрыл глаза и развёл руками, — и добавляю здесь немного меха, здесь кошачьими усиками пену волны, а багровый закат пишу кровью... — он неожиданно поперхнулся и выплюнул таблетки. — Совсем про них забыл. Я их прячу за зуб мудрости. Глупцы-санитары под язык смотрят, а я их дурю постоянно.

Уходя из палаты, Вадим покидал одного из нормальных, вместе с Поэтом и Диджеем, пациентов. Покидал и думал: «Неужели у него есть зуб мудрости?»

Палата для тихих находилась рядом, за стенкой, и в отличие от первой не имела дверей. А главное, сюда не было доступа для нормальных и ненормальных пациентов палаты для буйных.

Оглядевшись вокруг — лишь один больной спал, остальные шатались по коридору, завалился спать. Просто сказалась бессонная ночь.

Здесь было всё спокойно и очень тихо. Больные играли в шахматы в коридоре (там стояли столы), по субботам и воскресеньям их посещали родственники. И они в этом же коридоре сидели и беседовали с ними. Точнее, родственники говорили, а тихие больные пожирали домашнюю снедь, так заботливо приготовленную и принесённую им. Из этой массы, было человек 10-ть, Вадим особо не выделил бы никого. Разве что Сашку. Он тоже в своё время сидел в **«Крестах»** и с ним было о чём поговорить. Под конец этих двух недель он, правда... сбежал. Напросился с санитарками мусор в бачках во двор больницы выносить и там, прямо в спецодежде сиганул через забор. Никто особо не проявил никакого шума, и переполоха не было. Главврач, конечно, дал взбучку санитаркам, но на этом всё и закончилось. Как сказали Вадиму, этот Сашка не первый раз уже убегает, раз пятый. И каждый раз его ловят милиционеры дома. Так что скоро обязательно появится.

Реставратор так и не появился в этой палате. Зато через пару дней за Вадимом переехал Поэт. Общение с ним было высокопоэтичным и просвещающим. Он, хотя и был заторможенным (может, из-за таблеток, он их исправно регулярно принимал), на бумаге излагал мысли прекрасно. Писал чудные стихи, читая вечерами их Вадиму. Чтобы не отставать от него и показать, что и он не лыком шит, Вадим сочинил тогда это:

Больше всего на свете...
Я Вам хочу отомстить!
Душу и сердце поранить Вам,
Чтоб не смогли Вы жить.
Брать и порой Вам сниться,
Чтоб просыпались в поту
И чтоб метались по комнате,
Не зная, откуда приду.
В душу Вам так запасть,
Чтоб Вы порою сохли,
Встречи со мной искав.
Чтоб испытали Вы то,
Что испытал я из-за Вас.

Поэт, послушав, никак не отреагировал. Вообще. Вместо реакции он прочитал ещё одно своё стихотворение. А когда закончил, сказал: «Лоза-то мою песню поёт, про плот». Врал он тогда или нет...

Две недели в психушке закончились заседанием комиссии врачей-психиатров в кабинете главврача. Вадим был не первым. Его вызвали пятым или шестым. Кого-то дёрнули на неё даже из палаты для буйных. Перед Вадимом был Поэт.

Зайдя в уже немного привычный кабинет главпсиха, сразу же увидел двух дуриков с амбулаторного обследования. Вежливо кивнул им и улыбнулся, как старый знакомый. Они тоже поулыбались, снисходительно так, как человек улыбается, видя пойманную крысу в капкане, прекрасно осознавая своё превосходство.

Руководил процессом отнюдь не главврач, что не соответствовало ожиданиям Вадима. Был совсем другой, чёрненький, в возрасте, одетый в гражданку, специалист по больным душам. Он показался тогда самым здравомыслящим, без пелены в мозгу, человеком

среди всей присутствующей компании. Конечный вердикт выносился просто. Главврач, ведущий себя на этот раз в удивительно заискивающем тоне и порабощенно, зачитал предысторию и запись бесед с пациентом [*вот это агентурная работа так работа — записать исповедь*].

— ...считаю, что дальнейшее содержание под наблюдением не имеет смысла, — закончил он свою речь.

— Я тоже раньше закончил военное училище, — сказал трезвомыслящий в гражданском Вадиму, при этом чувствовалось в тоне, что он хочет побыстрее закончить установление диагнозов. — Частично вменяем или вменяем полностью. Выбирайте!

Воображение нарисовало годы здесь, при первом варианте ответа.

— Вменяем. Совершил преступление, буду за него отвечать по всей строгости закона, — практически не думая, выпалил Вадим.

— Свободен! Удачи! Не попадайтесь больше.

Развернувшись как в кабинете старшего по званию, через левое плечо, с левой ступнёй на носочке — по всем правилам строевой подготовки, увидел раскрытые рты «амбулаторщиков» и возникающее возражение, готовое из них вырваться.

— Молчать! Я всё сказал. Изменений не будет, — крик-вердикт старшего светила закрыл им рты и пригвоздил их к стульям.

Радости Вадима не было предела. Он вылетел из кабинета буквально на крыльях счастья, прямо в руки адвоката Акадова. Тот радость выписки не разделил — она заставляла его работать, стал интересоваться подробностями и, узнав предложенный вариант «частично вменяем», охать.

— Не слушаешь ты меня, Вадим. Согласился бы на этот вариант, легче было бы в суде. Сам себе всё испортил, — сокрушался он.

Про ночь в палате буйных, про пилюли, про уколы для психов, про приговоры с принудительным лечением «частичной вменяе-

мости» Вадим не стал ему говорить. Он был просто счастлив. Счастлив от того, что ещё одни двери открылись, выпустив его на **СВОБОДУ**. **ЖИЗНЬ** продолжалась.

Осторожно, двери закрываются? Нет, заело!

Адвокату не звонил где-то чуть ли не месяц. Он же сам не мог найти Вадима, так как просто не знал, где его искать в Петербурге. Как-то в один из осенних вечеров пришла навязчивая мысль: «Надо бы позвонить». Позвонил и словно как чувствовал:

— Вадим, — говорил по телефону Акадов, — у нас с тобою завтра утром заседание в Горсуде. Ты уже недели две как должен быть арестован. Судья позвонила тебе домой, трубку никто не взял, и она вынесла постановление об аресте. Хорошо я узнал, успел обжаловать. Завтра рассмотрение, а тебя нигде нет. Хорошо, что позвонил, а то я думал, что всё, конец твоей подписке.

Из дома вышел минут за 15-ть до начала заседания. Жил тогда на Фонтанке, 24-е, откуда рукой подать до Фонтанки, 16-ть, где находится Горсуд. Надел белую водолазку, белый цвет всегда был к лицу и располагал к себе, скромненькую кожаную куртку, чтобы не думали, что «крутой», и пошёл. Заседание начали где-то спустя минут двадцать после назначенного времени. Выступил Акадов, показал наглядно, что Вадим не скрывается, работает, учится и оснований для изменения меры пресечения нет.

— Мне не понятно, чем руководствовалась судья, вынося постановление об аресте? Судебного заседания не назначалось, на которое должен был явиться мой подзащитный, он никуда не скрывался... — отстаивал **СВОБОДУ** Вадима Акадов. И... отстоял.

— Суд постановил. Меру пресечения подсудимому оставить прежнюю, уголовное дело передать для рассмотрения другому судье, в этот же суд.

— Поздравляю, — промолвил Акадов, — чаще мне звони, иначе ситуация выйдет из-под контроля.

Признаться честно, обрадоваться даже не успел. Слушал и шёл затем к выходу, совершенно не думая. А вот когда вышел, увидел пасмурную питерскую погоду, вдохнул свежий воздух, то понял: «Свободен! Я по-прежнему на **СВОБОДЕ**!!!»

Провидение:
«Случайностей нет. Есть закономерности и предупреждения. Им только нужно внять, иначе двери действительно закроются. А вот когда откроются, неизвестно».

Буддист

С Антоном связался по телефону месяца через два после освобождения.

— Ты уже вышел? Что же так поздно звонишь? Давай приезжай на «Просвет» [*проспект Просвещения*], я тебя встречу.

На встречу Антон приехал на стареньком, но роскошном внутри «мерседесе». Покатa-

лись по городу, поболтали, вспомнили о былом, в общем, продолжили знакомство.

Антон любил часто звонить по телефону и зачитывать Шри Ауробиндо Гхош, из его «Синтез Йоги», а также цитировать Гиту:

— Открыть надо свой ум, заставить его замолчать самого, для получения откровений свыше.

— Для того чтобы сделать шаг вперёд, к новому творению, необходимо научиться поддерживать безмолвие разума и возноситься в божественное сознание.

Он оказался довольно экстравагантным и непредсказуемым человеком — любил посидеть в андеграундовской тусовке, покурить гашиш или анашу через кальян, поговорить на любые темы в свойственной ему манере простоты и конкретики. Он, никогда не обходил своё авто, если оно ему мешало передвигаться, он просто шёл по капоту. Поднимал ногу, что при его росте под два метра удавалось ему без труда, вставал на машину и шёл. Покупал, как правило, только творог, занимался по утрам йогой и кёкушином и катал

девчонок, наслаждаясь... словесным общением с ними.

Был он также и жаден, к сожалению. Кидал на счёт мобильника по доллару, по два. Заправлял в авто чуть ли не по литру и ездил на резервном отделении бака. Да, был жаден, а может, так экономил. Вадим в конечном итоге перестал с ним общаться, так как он слишком много хотел в процентном отношении денежных средств с определённых противозаконных операций.

Где-то месяца два у Вадима, в прямом смысле этого слова, был страх. Страх перед нарушением закона. Жил он на получаемые денежные средства от родителей, точнее от мамы. В конце концов «висеть» на шее у родителей надоело и... мелочь за мелочью, и вот уже серьёзные вещи, квалифицируемые по **УПК** (Уголовно-процессуальный кодекс) как тяжкие и особо тяжкие преступления.

Провидение:

«Опять всё сначала. Один раз наступил на грабли, наступит и второй. Посмотрим, может быть, образумится. Хотя предупредить не мешало бы».

Так как Вадиму с детства объясняли, что воровать нельзя, это бессовестно и стыдно, а обманывать он не мог, так как это непорядочно, да и честность с прямолинейностью всегда была его коньком, он просто забирал. Забирал с оружием в руках, у богатых, с элементами порядочности, шутками и прибаутками, никогда не забирая последнее. Никогда не забирая всё!!!

Порядочность? Да, порядочность. В преступлениях она бывает, но, несмотря на неё, они, преступления, не перестают быть преступлениями.

После очередного «жадного» наезда Антона Вадим плюнул на все эти отношения-общения, забрал всё себе плюс «волыну» и... ушёл из чужой **ЖИЗНИ**.

Как-то, приехав встречать одну знакомую на «Просвет», Вадим попал под жернова власти, которой был арестован. Пока он стоял в вестибюле метрополитена, его успел заметить бывающий часто в этом районе Антон. Тот не придумал ничего лучше, как подойти

к сотруднику охраны метрополитена — это была его своеобразная месть — и заявить, что Вадим находится в розыске. И тот под белые ручки препроводил его, Вадима, в пикет милиции. Судя по всему, Антон делал расчёт на наличие у Вадима с собою оружия, но просчитался. Обыск в пикете ничего не дал, установление личности дало отрицательный ответ на нахождение в розыске. По закону должны были отпустить, но Антон поговорил с одним из сотрудников, и Вадима препроводили в другой пикет, на углу проспектов Просвещения и Энгельса. Держали там до позднего вечера, часов 5-ть.

Середина 98-го, скоро *Новый год*.

Неужели опять за решётку? Неужели опять в «Кресты»?

И ничего не совершал ведь!!! Ничего! Нет, должны выпустить. Должны!

«Если выпустят, не буду делать ничего противозаконного вообще...» — думал Вадим, сидя на жёсткой деревянной лавке в железном вагончике пикета милиции.

Как оказалось, Антон заплатил деньги «ментам», и те просто перевели его в другой пикет для установления и подтверждения личности. А так как в этом, другом, пикете не было компьютерной базы данных, то и держали «до лучшего момента», тем более закон это позволял **[***по действующему в России законодательству задержание по подозрению без предъявления обвинения в 98-ом году допускалось обычно до 72-х часов, в 2002-ом стало до 48-ми часов***]**.

Где-то около 23-х перевели в отделение милиции на Хошимина. Там, проверив на розыск, сразу же отпустили, спросив, правда, почему Вадим попал в подозрение. На что, тот честно ответил — происки бывшего сокамерника по **«Крестам»**.

Вышел на улицу, вдохнул воздух... — ощущение не передать. Ах, этот пьянящий воздух СВОБОДЫ!!!

Когда уходил, видел глаза и выражения лиц остающихся. Ожидание и моральная боль загнанного в угол зверя читалась в их глазах.

Провидение:
«Внемли предостережениям, когда они делаются. Потом их не будет».

Когда переводили из пикета в пикет, Антон шёл рядом и твердил:

— Позвони мне обязательно. Обязательно позвони...

Видимо, это тогдашнее желание Антона услышать, увидеть Вадима, а может быть, ещё более насолить-отомстить, стало причиной следующих событий.

По лезвию бритвы

По повестке явился в суд. Дело ещё не было рассмотрено — потерпевшие, по договорённости, не появлялись — и каждый раз судебное заседание переносили на два месяца. Вадим приходил, получал под подпись

очередную повестку и был свободен. Вот и в очередной раз, где-то в феврале 99-го, в суде был уже адвокат Акадов, с которым и зашли вместе в зал.

— У тебя никаких проблем с милицией нет? — спросил он перед входом в зал.

— Да вроде нет, Закир Балуевич. Но если вдруг вам позвонят от меня, сразу же приезжайте, за появление $50 USA вам обеспечены.

Суд опять не состоялся. Судья Кировского суда Иванкова передала очередную повестку Вадиму, и в этот момент дверь в зал открылась, позволив войти двоим молодым мужчинам. Собственно, даже не войти, а втиснуться, так как Вадим, Акадов и Иванкова стояли прямо у выхода.

— Мы этого молодого человека заберём с собою, — сказал один из них.

— Кто такие и куда вы его хотите забрать? — стал интересоваться Акадов.

— Какая разница, — ответил другой, — всё в пределах закона.

— Ребята, это несерьёзно, — вступила в разговор Иванкова, — адвокату-то можете сказать.

— Петроградское РУВД. Уголовный розыск, — выпалил один из них.

— Ничего не говори по 51-й, — услышал Вадим вдогонку от Акадова.

Ожидая увидеть милицейский «уазик», Вадим был приятно удивлён, сев в «жигули» 7-й модели красного цвета. Они стояли прямо рядом с милицейским «козелком» и до последнего момента не было ясности, на чём поедем.

— Смотри, на чём поедем. Всё для тебя. Как человек поедешь, на мягком сиденьи.

— Это ваша машина?

— Моя.

— Наверное, должны доплачивать за бензин?

— Да кто там доплачивает! Тянешь всё из своего кармана, — повозмущался владелец красного авто и, погрузившись на водительское место, завёл машину.

Оба опера сели на передние сиденья, поместив Вадима на заднее. Закрыв защёлки на дверях, один из них заметил: «Наручники надевать не будем. Не дёргайся! Если что, пристрелить успеем».

Приехав в отделение и побеседовав со следователем Камажоровым, Вадим понял, в конце концов, откуда ветер дует. Антон не успокоился. Подговорил Игоря и тот написал заявление о совершении разбойного нападения на него, обвинив Вадима. Всё стало понятно. Дал показания, честно рассказав про свои взаимоотношения с Антоном и Игорем. Вроде бы должны были отпустить, но не тут-то было. Следователь, сунув бумагу под подпись, заявил, что надо отдохнуть дня три, пока он во всём разберётся. Ненавистная камера [*сколько их ещё будет!*]. Завели в первую по левой стороне. Какой-то пожилой, явно засиженный урка и ещё один молодой оболтус. Темно, но вроде не холодно.

— Я ещё в шестидесятых, прихватив оружие, с части убежал в Уссурийск. Помотался там пару дней, вот приключений было. По-

мню, в первый день налетел на... — «садился на уши» уркаган. Вадим же его не слушал, думая о том, что делать. Лежал на деревянном настиле и ждал адвоката. Ждал и думал — ...вот та-а-ак вот.

— Но, может быть, завтра выпустят. Срок заканчивается, должны вообще-то — всё болтал уркаган.

— Подожди, тебя завтра выпускают?

— Должны, срок задержания заканчивается. А у них нет ничего на меня. Ну ни хрена нет! Всё чисто вообще. Ай-ла-ла! Лучше не придумаешь.

— Позвонить человеку сможешь, если выпустят? Тебе денег там дадут, когда записку принесёшь.

— Конечно. Мне не трудно. Только чем писать будешь и на чём? Ни ручки, ни бумаги.

— На чём найдём, — Вадим достал из джинсов предварительно спрятанный ещё при перевозке в машине, на уровне паха, военник. Там, в обложке, были листочки. — А вот чем?

Мысль за мыслью, и вроде вот оно, решение.

— Дай спичку [*курить было нельзя, но у мелкого оболтуса в одежде были спрятаны спички и пара сигарет*]!

Взял спичку, достал приколотую булавку «Одессы» (вот когда она пригодилась), проткнул ею мизинец на левой руке и, выдавливая по капле кровь из пальца, стал писать. Старался писать немного, вкратце и по существу. Обмакивая спичку в кровь, выводил маленькие буквы, какие хорошо, какие еле читаемые, так как толщина и чёткость выводимых линий была различна. Писаться стало не сразу, дерево сначала кровь впитало в себя, потом, когда впитывать стало некуда, начало переносить её на бумагу. Теперь впитывать кровь стала она.

— Слушай, не дашь перчатки меховые? А то зима, а я без перчаток. Тебе они всё равно не понадобятся, — проснулся урка.

— Будешь выходить, получишь, — буркнул Вадим и продолжил свои художества.

— Готово. На, спрячь. Позвонишь, встретитесь, отдашь. Он всё поймёт. Денег даст, я

написал, — Вадим протянул записку и стал зализывать мизинец.

«Было бы неплохо, чтобы этот тип отдал Саше записку. Тот бы поехал к Борису и взял бы у меня деньги, спрятанные под лосиными рогами. Отдал бы их Акадову, и тот бы меня вытащил. Хотя, возможно, этот тип подсадной, тогда ничего не получится. А Саше пусть звонят опера, всё равно ничего не узнают», — думал Вадим.

Между тем, скорее всего, уже пришёл вечер, слишком много времени прошло. «Командирские» опять забрали, и ясности по времени не было. «Акадов, наверное, не придёт», — засыпая и накидывая на голову капюшон «пилота», домысливал Вадим.

Ночью было довольно холодно. Пару раз даже просыпался.

Утро началось с открывания камеры, проверки наличия задержанных и обыска. Когда обыскивали, Вадим старался не думать о том, что могут найти военник и деньги в джинсах [*ещё после выхода из **«Крестов»**, буквально сразу же, он спрятал в левую штанину джин-*

сов — туда, где штанина подвёрнута вовнутрь, обёрнутые в полиэтилен и скрученные трубочкой 10-ть $ USA, по одному доллару. Впоследствии он увеличил сумму, сменив эти бумажки на десять десятидолларовых купюр. Всё это было сделано с одной целью — иметь денежные средства при попадании в ***«Кресты»***]. Хлопки рук по телу и...

— Свободен! Следующий.

— В туалет кто-нибудь пойдёт [*в камере таковой отсутствовал*]?

И, конечно, шли. Хотя бы умыться под краном, набрать воды и вообще пройтись. Вадим старался вести привычный для себя образ жизни — гимнастика, тридцать отжиманий от пола, всё для того, чтобы разогнать кровь.

Закончив зарядку, стал ждать событий. «Выдернули» где-то часа через два. Думал, адвокат. Зайдя в кабинет, увидел усатого мужчину средних лет. «Наверное, опер», — подумал Вадим.

— Ну что, рассказывай. Куда оружие спрятал, где вообще в городе живёшь? Что это за

ключи у тебя от машины с собою? Выкладывай!

— Я без адвоката ничего говорить не буду! — бодро заявил Вадим.

— Ты чё, охренел?! Американских фильмов насмотрелся?! Либо ты будешь отвечать на мои вопросы, либо я тебя так раскручу, буду под тебя копать, рыть, всё, что смогу, на тебя повешу. Вылезать заебёшься! Понял?

— Ладно, ладно. Давайте по-хорошему, — отступил Вадим. — Ключи от машины, моей, стоит, правда, на ремонте, на бывшем Маклина. Живу у друзей, как правило, так что определённый адрес указать не могу. В паспорте же есть адрес прописки! Что, мало, что ли? А эти оболтусы всё гонят, злые на меня, вот и гонят, они...

Поработали они в дальнейшем на славу. Нашли машину, обыскали. Искали, как потом сказали автослесаря, оружие. Адвоката так и не было. Вадим терялся в догадках, ища причину его отсутствия. Следователь также не приходил. Засиженного уркагана отпустили. Вадим подогнал ему перчатки, напомнив, что

за маляву ему дадут деньги, надо только её донести.

«Только бы связался, — думал Вадим. — Акадов тянет, наверное, потому что ждёт денег. Вообще тишина. **Ожидание смерти подобно!** Ну, ничего, прорвёмся!»

Развязка наступила на 3-ий день. Дёрнули где-то часа через три после утренней проверки. Вадим, уходя, оглянулся на остающихся — закинули ещё двоих задержанных, — подмигнул троице и произнёс: «Пошёл бороться!» ***Больше он к ним не вернулся.***

Думал, к следователю, но вывели дальше и стали поднимать, в наручниках, выше на несколько этажей, в кабинет. «Ага, знакомые всё лица, — мелькнула мысль в голове, когда увидел двоих молодых оперов, вёзших в отделение. — И этот усач тоже здесь. Сейчас замучат вопросами».

— Присаживайся, вон на стул. Наручники? Ничего, посиди пока в наручниках.

— Ну что, нашли мы твой ствол. На хрен ты его под подушкой прятал? Я-то подушку

просто поднял, а он лежит — на тебе, забирай. Даже неинтересно стало.

— Как нашли-то, где я живу?

— Придёт время, узнаешь. Скажи лучше, зачем тебе так много девчонок? В записной книжке телефонов тридцать. Не лучше ли с одной познакомиться? И дешевле, и безопаснее. На фиг так много? Не понимаю, — это разглагольствовал один из молодых оперов.

— А кто ездил-то на обыск?

— Мы, вдвоём. Мы тебя забирали из суда, ну, мы и поехали.

Вадим активизировался. Ностальгия, чувства, эмоции стали переполнять сердце.

— А вы видели, какое я панно из камней купил девчонке? А орхидея в коробочке не завяла? Купил — думал подарить, а тут вы коррективы внесли. Да-а-а...

— Ну, это ты сам виноват. Друзья у тебя такие, что заявления на тебя пишут. А вообще-то неплохо устроился. Со вкусом всё. Зелень прикольная — красиво! Ладно, давай по делу. Друг твой, заявитель, позвонил тут, узнал, что ты пойман, и исчез просто. Сколько ему

ни звонили, сколько его ни вылавливали, говорят, что такой здесь не живёт. Так что надо что-то делать. Со следователем будешь говорить, скажи...

В этот момент дверь открылась, в кабинет вошёл один из ментов, которого Вадим видел до этого внизу, в ИВС. Сев напротив Вадима, он сунул ему бумагу и ручку.

— Распишись [*А-я-яй! Грамотеи. Ведь запомнить просто —* ***«Роспись на потолке, а на документе подпись!»***] на постановлении внизу. Следователь просил у прокурора продлить срок задержания до 10-ти суток [*сердце внутри ёкнуло*], но тот отказал. Вот твои документы, трубка, деньги — пересчитай. Проверь всё и распишись.

Вадим потянулся закованными в наручники руками к ручке.

— Ребята, наручники бы сняли. Мы его освобождаем. И вообще, что вы его держите, он уже свободен.

Один из молодых оперов подошёл и расстегнул наручник. Сначала один... потом другой...

Вадим достал из полиэтиленового пакета портмоне с деньгами, проверил, всё ли остальное на месте, и подписался.

Вместе с пришедшим ментом вышел и усатый опер. «Это, наверное, их старший», — мелькнула мысль.

— В общем, смотри, — начал один из оставшихся, — дело есть, и чтобы не было глухаря, надо хотя бы признать, что ты у этого Игоря забрал его долг. Тогда самоуправство. А с волыной [*это оружие*] ерунда, видишь, прокурор же срок не продлил. Вот тебе лист, напиши, что забрал долг. Не угрожая, не избивая...

И Вадим на радостях написал. Написал всё, что ему диктовали (в данном случае это была уловка со стороны оперов — им надо было хоть что-то выжать из этого дела). Пока писал, один из молодых заметил:

— Наш босс считает, что ты регулярно разбоями занимаешься. Пару раз в месяц, например.

Вадим промолчал, продолжая дописывать текст.

Зашёл усатый босс.

— Ну что, вы ему всё объяснили?

— И не вздумай адвокату платить, он здесь ни при чём. Мы просто под тебя копать не стали, поэтому ты выходишь [*всё больше и больше «лапши на уши»*].

— Понял, — Вадим был в приподнятом настроении, и ему хотелось благодарить всех и вся. — Может, вам компьютер купить сюда, в кабинет? А?

— Не надо. Мы теперь и сами можем себе компьютер купить, — сказал один из проводивших обыск оперов.

Вадим подумал о деньгах под лосиными рогами.

— Ты, наверное, колешься? Героином? — стал провоцировать усатый.

— Нет! Почему вы так решили?

— Мы у тебя кучу шприцев нашли в шкафу, — ответил молодой.

Вадим вспомнил про упаковку инсулиновых шприцев, купленных по просьбе «Одессы», но так и не отправленных в ***«Кресты»***.

— А-а-а. Так это уже давно валяется. В ***«Кресты»*** надо было загнать. Вот и лежит. А я не колюсь, вот руки, посмотрите.

— Ты хитрый, я знаю, — ехидно улыбаясь, промолвил усатый, — ты в бедро колешься, чтоб не видно было.

Последними словами он просто задел Вадима. Гнев из-за несправедливых обвинений в его адрес заставил разнервничаться.

Расстегнул пуговицу на джинсах, молнию, достал военник, прокомментировав: «Это чтобы ездить бесплатно», — и оголил бедро.

— Нате, смотрите. Наркоман, да? — Вадим разошёлся не на шутку. — Сами вы наркоманы. Курите, а никотин — это наркотик.

Немного успокоившись, вернул всё в исходное положение, засунув военник теперь уже в карман «пилота».

Усатый, казалось, удовлетворился [*и только в момент написания этих строк пришла мысль о том, что усатый просто хотел подкинуть героин, если бы обнаружил следы уколов на теле. Вышел бы из ИВС, а на улице сразу же взяли бы, препроводив под белые ручки обратно. За решётку*].

— Ты лучше вот что. Пожрать купи. Колбасы, булки, молока. Да следователю Камажорову, он у нас любитель выпить, бутылку водки не забудь. Сейчас к нему сходишь, побеседуешь, а потом сразу же дуй в магазин.

— Хорошо. Сделаю. Я человек слова. Обязательно принесу!

— Вот принесёшь и проверим. Из кабинета выйдешь налево, там, в конце коридора, найдёшь.

Ещё из коридора в открытую дверь увидел Акадова.

— Тебя не били? С тобою всё нормально? — забеспокоился он, увидев Вадима.

— Закир Балуевич, вы почему ко мне не приходили? Я тут три дня торчал, а вас всё не было и не было.

— Меня не пускали к тебе, Вадим. Если бы я на прокурора раньше следователя не вышел, торчал бы здесь и все десять.

Камажоров сидел напротив него и что-то писал.

— Подпишись у следователя, что убываешь по адресу прописки, и пойдём, я тебя довезу.

Камажоров, окинув взглядом подписанный лист и сухо сказав: «До свидания», положил его в ящик письменного стола.

— Закир Балуевич, опера мне трещали, что вы ни при чём. Что это, дескать, они такие хорошие, — говорил Вадим, сидя в адвокатской машине.

— Вадим, это же опера. Они всегда заинтересованы тебя расколоть. Молчал бы лучше, и ствол бы не нашли. Я же тебе говорил, молчи, а ты опять героя из себя корчишь, язы-

ком тренькаешь. А этой опергруппе лучше вообще ничего не покупай. Обойдутся. Давай лучше со мною по договору всё решим.

— Вот здесь притормозите, — сказал Вадим, когда они проезжали по Садовой к Невскому. — Мне как раз здесь нужно выходить.

Отсчитав три тысячи рублей, подписав договор, вылез из машины.

— Завтра утром мне позвони. Встретимся, обсудим это дело, — отъезжая, прокричал Акадов.

Постоял, посмотрел вслед уезжающему адвокату и только сейчас понял, что на **СВОБОДЕ**.

«На **СВОБОДЕ**!» — мысли неслись стремительно. Приподнятое настроение и переполняющие сердце хорошие чувства. На взводе, можно сказать, на пике эмоций, понёсся делать покупки.

«Слово дал, слово сдержал! Дисциплинирует. Не хочешь, не говори», — думал Вадим,

не задумываясь о ценах, покупая всё по высшему разряду. Вдобавок ко всему купил ещё и пузырь операм — пусть нажрутся.

Вернулся в кабинет, где сидел в наручниках ещё сегодня, часа через два. Все были в сборе, словно ждали его. Выложил всё на стол, особенно отметив, какая бутылка следователю.

— Вы ему сами отдайте [*говорил, признаться честно, не особо надеясь, что так и сделают*]. Я же не понесу ему сам. Кстати, кто же всё-таки сказал, где я живу? Как вы узнали?

— Девчонок у тебя слишком много, я же тебе говорил, — заметил тот, который мог сам уже купить компьютер, — мы по записной книжке всех обзвонили, одна и сказала твой домашний телефон. Юля её зовут, ты с ней недавно познакомился.

Вадим вспомнил вульгарную, сексуальную девицу, которая не то чтобы ему понравилась, а просто захотелось затянуть её в постель — она родила в нём сильное желание. Он тогда дал ей два телефона, домашний и

трубку. «И зачем, спрашивается, дал домашний телефон? Зачем? Да, она же перезванивала и дала свой телефончик. Ну, я ей устрою!»

— Так что оставь себе одну, проверенную. И денег будет уходить меньше, и беспокойства будет не так, как сейчас.

— Спасибо за информацию, советам постараюсь внять.

— Давай, пока. Не попадайся больше, — заключил напоследок усач.

Уже на следующий день Вадим перед отъездом в Выборг набрал незнакомый номер телефона этой крали.

— Юля?

— Да-а-а.

— Привет, это Вадим. Мы с тобою только недавно познакомились. Слушай, у тебя слишком длинный язык, и тебе его в конце концов укоротят. Будь аккуратнее.

Больше говорить ничего не стал. Вчерашняя злость и ярость прошли бесследно, сменившись философским настроем. «В прин-

ципе сам и виноват, нечего было телефоны раздавать. Нечего».

Память вспомнила 98-й, когда из-за таких же раздач и приводов в гости приехали опера — Хомук и ещё трое — из Кировского РУВД.

«Сколько же можно на одни и те же грабли наступать? А, Вадим?» — подсознание искренне удивлялось.

Симпатия под чашечку капучино

Как оказалось впоследствии, деньги под рогами действительно нашли. Смутные подозрения после заявленной фразы о покупке компьютера подтвердились.

Наличие денег проверил сразу же в день освобождения. Достал целлофан из-под дощечки-основания и победоносно закричал — через прозрачный пакетик смотрел портрет Франклина. Развернув, понял, как жестоко ошибся. Из пяти купюр по сотне осталась лишь одна. Молодые ребятки-опера взяли

четыре сотни. «И зачем оставили сотню?» — размышлял впоследствии Вадим. Может быть, хотели оставить хоть что-то на жизнь, как часто делал он сам [*ибо забирать всё — значит, на все сто процентов озлоблять человека*]? Или сделали так, чтобы было трудно доказать, что взяли? Одно дело «было и нет», другое, «было и есть», а вот сколько, это уже доказать трудно.

«Ну и хрен с ним! Сам виноват. Хорошо, что в другом загашнике есть ещё 2-е с половиной, значит, жить можно. Вот только жаль, что забрали диктофончик карманный. Наверное, приглянулся для работы. Ладно, с меня не убудет», — на этом закончив думать, собрал всё и покинул чужие Пенаты.

Дня три носился по городу, как оголтелый. С единственной мыслью — уехать! Уехать не куда-нибудь, а вообще из страны.

«В Италию! В Лидия-да-Осту! В русскую мафию на Западе. Свои-то на чужбине пропасть, думаю, не дадут. Да хоть апельсины собирать... Рвать надо, рвать! Иначе посадят», — с такими мыслями и жил.

Рвануть мешало отсутствие загранпаспорта. А липовый же загранпаспорт пока найдёшь, да и на границе с таким могут «тормознуть». Вот и «бегал» по всем своим связям, зондируя почву.

В конце концов позвонил Акадов:

— Вадим, я всё сделал. Ты теперь чист, за исключением, конечно, Кировского района. Надо встретиться завтра. Я тебе всё объясню. Как и говорил, всё стоит 500-т $ USA. Дела закрыты, так что будь спокоен. Утром жду тебя у себя в конторе. До встречи.

Неделю назад до этого звонка Вадим встречался с Акадовым лично. Встреча была рядом с *о/м*, где Акадов, видимо, защищал чьи-то интересы.

— Я всё веду к тому, что дела закроют. Вообще-то за это в нашей адвокатской конторе берут 1000-у $ USA. Но тебе, так как я постоянный твой адвокат, придётся заплатить всего долларов 500-т. Только я должен быть уверен, что ты не пойдёшь на преступление. У тебя есть такие деньги?

— Найдём, Закир Балуевич. Найдём.

— А где ты собираешься искать? Опять противоправной деятельностью будешь заниматься? — Акадов словно специально заводил Вадима.

— Вот деньги! Берите прямо сейчас! — Вадим достал из портмоне пять сотен и помахал ими перед носом Акадова.

— Убери, убери, — Акадов смущённо отвёл глаза. — Завтра встретимся, поговорим. Я позвоню. И не носи ты эту штуковину с собою, — сказал, показав на торчащую из-под жилетки рыжую кобуру, — вдруг обыщут.

— Всё нормально будет, Закир Балуевич.

«Как безапелляционно, Закир Балуевич. Жду и всё! А вдруг я не смогу? Ну ладно. С делами, я так понимаю, всё нормально, значит, можно не дёргаться. А 5-ть сотен Акадову... Чуть попозже. Позлю его, а то подумает, что я бездонная бочка и из меня можно качать *LOVE* **[***так на криминальном жаргоне звучит слово «деньги»***]**. Сделаю лучше для **ПМ**-а глушитель, а придёт время, с Акадовым рассчитаюсь».

Думая так, Вадим нёсся вместе со своим закадычным другом по городу на авто.

Провидение:
*«Лучше всё же уехать, быть на **СВОБОДЕ** и собирать апельсины. Здесь это добром не кончится. Нет, не кончится. И когда он, наконец, это поймёт? Сам. Сам, наверное, никогда».*

ЖИЗНЬ била ключом. Бесконечные встречи, компании, тусовки. Вадиму были интересны новые люди, новые сленги и вообще всё, всё, что делает **ЖИЗНЬ** интереснее и разнообразнее. В этом разнообразии было всё, что ему способствует, но Вадим брал только женщин, начисто отбрасывая наркотики и алкоголь. Да, противоположный пол вносил в его **ЖИЗНЬ** львиную долю разнообразия.

Как-то вместе с Сашей заехали на квартиру, что на Зверинской улице, в районе метро «Горьковская». Её месяца три тому назад, в своё время, снимал Вадим. Из-за проблем с Антоном, тот знал телефонный номер в квартире, пришлось съехать. И чёрт его знает, что заставило туда ехать — вроде бы забытый Женькин тулуп из овчины, но всё же поехали.

Старался всегда быть культурным и не заявляться без предупреждений, поэтому взял и позвонил. Предупредить, что заедет, да проверить — дома ли кто.

Звонок в дверь, «здравствуйте» на пороге, минут 5-ть в комнате и вроде бы всё, «до свидания».

Но, как говорится, «не тут-то было». Длинный пронзительный звонок в дверь. И подозрительная готовность хозяйки: «Кто там?»

— Откройте, милиция!

Взгляды хозяйки и Вадима встретились. Та как бы ждала реакции Вадима на сказанное.

— Не открывайте, — сказал как-то еле слышно и неуверенно, не совсем понимая, при чём тут милиция.

Та словно не слышала его. Подошла к двери и открыла её. В квартиру зашёл человек в кожаной куртке, держащий в руке пистолет.

— Вот он, — заявила хозяйка, взглядом показав на Вадима.

— Пройдёмте со мною, — промолвил вошедший, спрятав, правда, оружие.

— Пойдёмте. Но я думаю, вы не по адресу приехали. Пойдём, Сань, сейчас разберёмся.

Вадим был спокоен. Уверенность в себе вселяло наличие товарища рядом, присутствие денег с собою, ствол за пазухой, да осознание «чистоты» совершённых преступлений.

На удивление Вадима, мент оказался один. На все вопросы о причинах данного «знакомства» он отвечал, что поступил звонок и в отделе всё проверят. Уже на улице, видя, что никто не собирается бежать, он заметно расслабился. Проходя мимо машины, узнав, что она принадлежит сопровождаемому, он предложил на ней доехать до отделения милиции. Оказалось, что он выдвинулся на задержание «на своих двоих», без машины.

Когда подъехали, он взял военник Вадима и вышел. Вадим же давал рекомендации Саше на случай своего длительного задержания.

Уже внутри опер в штатском куда-то исчез, оставив Вадима у окошка дежурного. Никто его не обыскивал и не задерживал, так что можно было спокойно уйти. Напряжение внутри росло, но бежать не хотелось, пока не было ясности. Не прошло и десяти минут, как ушедший опер вернулся, явно успокоившись, и предложил Вадиму пройти выше этажом. Всё это без наручников, в сопровождении одного и того же лица, что вселяло надежду на недолгое задержание. Перед поворотом налево, на лестницу, еле подавил желание рвануть — дверь была так близко, справа внизу. Пошёл наверх за опером уже знакомой ранее дорогой. По этим ступеням, буквально месяц тому назад, Вадима вели в наручниках к операм на беседу. По ним же он нёс пакет с продуктами и водкой, уже вкусив тогда вкус освобождения.

«И что, неужели опять всё сначала?»

На лестничной площадке между этажами увидел симпатичную молодую девушку. Та стояла спиною к лестнице и смотрела в окно. На звук шагов поднимающихся обернулась, окинув взглядом происходящее. Взгляд Вадима и её взгляд встрети-

лись. Сердце открылось, впустив симпатию к ней.

«Если пойду обратно, обязательно познакомлюсь», — подумал он, продолжая подниматься.

Есть встречи, которым суждено произойти. И сколько бы ты не тянул время, они всё равно случаются.

В беседе с опером Вадим честно рассказал, что был уже здесь недавно. Разговаривал с Камажоровым, с операми, в общем, давал понять, что существовавшая ранее причина его задержания, скорее всего, отпала.

Повертев ещё немного военник Вадима в своих руках, позвонив куда-то, но так и не получив ответа, он сказал, что на этом всё и теперь можно идти.

— Был телефонный звонок, а из какого дома — непонятно. Мы и проверили две квартиры в разных подъездах, — словно оправдывался он, когда Вадим выходил (на самом деле он неумело пытался завуалировать действия хозяйки квартиры, которая, по данной ещё несколько месяцев тому назад вводной, сработала только сейчас — её-то никто не пред-

упреждал об отбое). Тот же его не слушал, в голове была только одна мысль: «Стоит ли она ещё там?»

Она ещё стояла. Всё так же смотря в окно или делая вид, что смотрит.

— Извини, пожалуйста, позволь честно и откровенно сказать. Ты мне понравилась, и я хотел бы с тобою познакомиться. Я не набиваюсь ни в друзья, ни в любовники, позволь просто стать твоим знакомым. Давай как-нибудь встретимся, посидим за столиком где-нибудь, выпьем по чашечке кофе и поболтаем? — всё это Вадим выдал быстро, словно на одном дыхании, не давая ей возможности вставить хотя бы слово.

— Ну, я не знаю. У меня ведь муж есть... — начала она неуверенно.

— Ну и что? У меня, может быть, тоже жена где-нибудь есть. Разве это мешает нам выпить по чашечке кофе вместе и поболтать?

— Ну, давай. Вот, возьми, — она достала из сумочки календарик и протянула его Вадиму. — Я здесь работаю. Приедешь завтра, и попьём кофе.

Вадим взял маленький календарик и посмотрел на фото, изображённое на нём.

— Это мой начальник и я, — вставила она.

На календарике на фото красными буквами было написано Le Balsen.

— А здесь что делаешь? — Вадим решил задать ещё пару вопросов для сближения.

— Мужа жду. Его забрали пару дней тому назад. Сейчас должны выпустить, — ответила она.

В этот момент дверь в дежурку открылась, и она испуганно дёрнулась в сторону, подальше от Вадима. Тот же, сказав что-то типа «До встречи», стал спускаться вниз.

Из дежурки выходила какая-то женщина. «А она, видимо, думала это её муж», — подумал Вадим и, окрылённый уже не только **СВОБОДОЙ**, но и новым знакомством, сел в поджидавшую его машину.

На следующий день ближе к вечеру понёсся в Le Balsen, что на Старо-Невском.

Сашу оставил в машине, припаркованной рядом. Пошёл в жилетке, оставив куртку в машине.

Её увидел сразу же, она сидела за барной стойкой и что-то листала. В зале в это время было пустовато, что было, собственно говоря, наруку. Водрузившись на стул возле стойки, стал бесцеремонно и откровенно её рассматривать.

— А, это ты. Всё-таки приехал, — заметила она его (да и не заметить было нельзя — перед барной стойкой сидел лишь он один).

— Раз обещал, значит, приехал. Да и зачем я тогда знакомился? Чтоб общаться на расстоянии?

— Ты знаешь, многие обещают, но не делают. Да не смотри ты на меня так изучающе, мне просто неловко. Давай я лучше кофе сделаю, ведь ты предлагал пить кофе. Какой? Эспрессо или капучино?

— Лучше капучино. А смотрю так, потому что ты мне нравишься. Мне приятно смотреть на красивое.

И так слово за слово. С ней было приятно разговаривать. Она была настоящей женщиной в разговоре — сплетничала, говорила о быте и вообще, похоже, постепенно принимала Вадима за подружку.

Тому было интересно, так как до этого он никогда не был в роли доверительного лица, и данная ситуация забавляла.

За почти трёхчасовое общение они перебрали столько тем и поговорили о таких всевозможных вещах, о которых малознакомые люди просто не разговаривают. Вадим узнал и о причинах её нахождения в отделении, и о её родителях, и даже про постель речь зашла. Можно сказать, что она была просто болтушкой, но это всё же не соответствовало бы действительности. Она просто говорила, а Вадиму было просто приятно от осознания того, что расположил её к себе и дал понять, что ему можно доверять [*в местах не столь отдалённых слова «просто» и «так» звучат по-особенному, извращенно: «просто» — значит «в жопу», а «так» — «в рот»*]. Ах, эти злые зэки. Но кто придумал это, старые ли уголовники или новая, иная поросль, неизвестно.

— Ты знаешь, а передачи не берут. Говорят, что я не жена. Поэтому нельзя. А мы как бы вместе, сам понимаешь. Я должна ему помогать... Говорила ведь ему, не стоит идти разбираться. А он ничего слушать не хотел. Взял газовый пистолет и пошёл к этим хачикам, разбираться. Пострелял там, в павильоне, где коньяк этот палёный купил, да разбил витрину. Еле договорились, чтобы выпустили. Тысячу взяли, долларов, представляешь?

И всё в таком же духе. Капучино, признаться честно, был не очень. Заказал свой любимый свежевыжатый грейпфрутовый сок. На удивление, разговору практически никто не мешал. Отдельные посетители приходили, отдельные уходили. Она иногда отлучалась, но тут же быстро возвращалась к нему... к Вадиму.

— Ой! Ты знаешь, я через десять минут заканчиваю. Подождёшь меня?

— Конечно, подожду. Сколько, кстати, с меня?

— За кофе платить ничего не надо, это я тебя угощала. А за сок я сейчас выбью.

Подождал её совсем немного. Открыл перед ней дверь, и вот уже с ней на улице.

— Может, тебя довезти?

— Ты что, он меня встречает всегда, скандал закатит. Лучше поймай мне машину.

В темноте удалялись горящие стоп-сигналы автомобиля. С ними удалялась и она. Недавно казавшаяся такой близкой и родной, и оказавшаяся такой далёкой и чужой.

«Чужой! Вот именно, чужой. Ничего удивительного, просто человеческие судьбы пересеклись, немного пройдя вместе рядом», — подумал и пошёл к машине.

Сашка дрых, откинув спинку в горизонтальное положение. Постучал по стеклу, разбудив.

— Ну ты вообще. Столько времени там торчать, — сказал он, посмотрев на часы. —

Я бы за это время успел бы с Янкой позажигать. Ну что, поехали?

— Поехали, Саня, отсюда. Ну их всех на фиг!

Работа малая в висок

Вадим уже давно съехал от Бориса. Адрес был засвечен, и появляться там ни в коем случае было нельзя. Было нельзя, но всё же появился.

Был в этом районе, время часа 2-а ночи, домой через весь город тащиться не хотелось, вот и решился — «дай, думаю, заеду». Позвонил, узнать, не появлялся ли кто из ментов, и поехал.

Одну из комнат уже сдали. Перекусил немного на кухне продуктами, что купил по дороге, и пошёл спать. Лёг на раскладушке в комнате, где спал Борис и его мама, тётя Паня. Заснул практически сразу и тут же (судя по часам) проснулся от звонка дверь. Началось...

Один звонок, второй, третий. Мысли стали лихорадочно нестись одна за другой: «Попал! Говорила мама, не ходи, не надо. Доходился! Скорее всего, это менты. Кто-то один пас. Заметил, что я появился, и вот уже через полчаса вся группа захвата здесь. И не убежать никуда, балкона нет, пятый этаж, не выпрыгнуть! Крышка!!! Неужели крышка? А в тюрьму не хочется. Ой как не хочется! Если возьмут, лет 15–20-ть обеспечено, это к гадалке не ходи. Улики прямые, не отвертеться. Проиграл. Мысли неслись, словно в голове загнанного зверя. Звонки же из редких превратились в постоянные. Всё настойчивее они резали слух. Давно проснулся Борис, всё порывался пойти открыть. Еле остановил, убедив вести себя тише.

— Это менты. Не открывай. Выследили, суки! И зачем приехал? Дурак! — сказал шёпотом. — Слушай, квартирант-то дома? — Дома. — Как бы не проснулся, не пошёл, не открыл. Да, дела-а-а. Влип конкретно.

Проиграл. Воображение рисовало тюремную камеру, колючую проволоку и долгую,

долгую неволю. Всё это то же самое, что свободолюбивому волку нарисовать клетку-вольер в зоопарке. Рисовало... И в конце концов привело к законченной мысли.

«Проиграл. За действия, ведущие к проигрышу, нужно платить, Вадим. Будь сильнее и смелее. Вспомни японцев. Если они проигрывают, то достойно принимают поражение. Уходят и стреляются в кабинете. Самоубийство это не слабость, это смелость! Смелость признать проигрыш».

Сознание подходило к финалу, а в дверь откровенно ломились. Удары сыпались друг за другом, того и гляди выломают дверь. Спустя секунд 5-ть всё стихло. Звук отъезжающего лифта, скорее всего вниз, и тишина.

— Вадим, там всё стихло, — зашевелился Борис, трезвея, — может, тебе выйти и спрятаться у мусоропровода?

— Нельзя. Они на площадке наверняка засаду устроили. Только этого и ждут. Выйду, а они под белые ручки... Не надо.

Подошёл к окну, раздвинул немного шторы и, посмотрев вниз, понял — попал!

Попал окончательно, конкретно и бесповоротно.

Внизу, на дороге у дома, стоял мужчина в гражданке и откровенно смотрел на окно квартиры, медленно куря сигарету.

«Опер в гражданке, — мелькнула мысль, — обложили! Думают, что уйду через окно. Хрен тут уйдёшь. До земли пять этажей, до крыши четыре».

Была мысль спуститься по простыне, но после увиденного бесследно исчезла.

«Может, выкинуть ствол? А что это даст? Останусь вообще беззащитным. Беззащитным и попаду прямо в лапы ментам. Прямо в лапы...» — подумал и представил последствия.

«Я себе не прощу этого. Потом кусать локти буду, выть от бессилия, умирать от бесконечно долгого ожидания и осознания того, что был слаб сейчас. Никогда!» — мысли прекратились, сменившись действиями.

Достал ПМ, снял с предохранителя, патрон всегда в патроннике — перезаряжать не надо. Прислонил дуло к правому виску, вспоминая прочитанное: «После выстрела он

остался жив. Пуля выбила оба глаза и перебила переносицу». Вспомнив, направил дуло под углом в мозг.

«Пора заканчивать», — мысль должна была стать последней. Указательный палец лёг на металл спускового крючка и двинул курок на полхода назад. Назад к ударнику, бьющему по капселю патрона. Ах, как плавно пошёл курок к развязке, как по маслу — последнее осознание происходящего перед небытием.

— Подожди, стой! Лучше их постреляй. Успеешь сам застрелиться, — завопил окончательно протрезвевший Борис, — у тебя патронов штук 150-т. Две обоймы. Отстреливаться и отстреливаться. Успеешь ещё! — с блестящими от слёз глазами говорил он.

«И действительно, — подумал Вадим, — я же не использовал все существующие возможности».

Боясь, что квартирный телефон прослушивается, стал звонить с трубки. Звонил домой, на сотовые, «скинул» текст на пейдже-

ры — тишина. Полчетвёртого утра, все словно вымерли. А ты погибай тут спокойно, Вадим. Хотелось, чтобы приехали оттуда — снаружи, и отбили **СВОБОДУ** и **ЖИЗНЬ**. Хотелось, и мысли были лишь об этом. Телефоны же упрямо молчали.

«Когда надо, никого не бывает рядом», — подумал и вспомнил про неё, про Ирочку — она наверняка возьмёт трубку.

Вспомнил и позвонил. Уже после второго звонка она сняла трубку (она всегда снимала быстро трубку, даже когда спала).

— Привет! Извини, что разбудил. Но я, возможно, последний раз разговариваю с тобою в этой **ЖИЗНИ**...

Суть разговора передать можно, его атмосферу — нет. Всё было серьёзно и не так, как в кино. Она плакала, слушая в трубку удары в дверь, а он просил её записать его предсмертные просьбы. Трагедия. И в отличие от киношной трагедии, реальная, настоящая — они действительно прощались. Навсегда.

Разговаривая по телефону, Вадим слышал то стуки в дверь, то тишину, то снова стуки, то опять тишину. Промежутки между были то маленькими, быстрыми, то долгими, большими. И порою казалось, ничто не нарушает стоящую тишину.

«Почему они до сих пор не сломали дверь? — думал Вадим, продолжая разговаривать по телефону. — Если это ОМОН, СОБР или ещё что-то в этом роде, давно бы уже выломали дверь. Ведь это и дверью-то нельзя назвать. Деревянная, правда, с двумя замками и открывается наружу. Но это не преграда для крепких милицейских бойцов. Может, у них нет санкции на обыск, и их сдерживает лишь это?»

Что бы там в итоге ни было, он ещё не в их лапах, жив, здоров (хоть и психологически расстроен), и это радует.

С Ирочкой к тому времени наговорил уже минут 40-к по трубке. Подумав о том, что на счету не останется денег и счёт пойдёт в минус, прервал разговор.

Тишина. Она установилась минут тридцать тому назад и продолжала стоять до сих пор, до боли давя на уши.

— Затаились. Ждут, наверное, санкции на обыск, — сказал Вадим Борису. — Надо бы проверить, что там происходит снаружи. Сказал и пошёл к окну, посмотреть.

— Что это за лужи на полу, тётя Паня? — обратился Вадим к уже давно проснувшейся 70-летней маме Бориса.

— Что-то. Обоссалась я! Со страху. Стреляться, стреляться! Задумал ещё чего. Дурак! Тебе стреляться, а я тут мокрая сижу.

— Тётя Паня, если выберусь из этой передряги, компенсирую.

— Иди ты! — и она побрела к выходу из комнаты, в сторону ванной и туалета.

— Борис. Давай позвоним Берёзе, пусть он придёт, проверит, что к чему?

— Давай наберу, — моментально отозвался Борис и через десятки секунд ожидания уже разговаривал.

— Он не хочет, — сказал он в итоге Вадиму. — Спать, говорит, сильно хочет и никуда не пойдёт. Предлагает, чтобы мы через Макса всё узнали.

— Вот видишь, Борис, какие у тебя друзья. В трудную минуту бросают.

— Да какой мне Берёза друг. Так, собутыльник.

— Ладно. Звони Максу. Попроси его спуститься вниз за газетами, пусть посмотрит, что к чему.

Макс жил в этом же подъезде, на два этажа выше. Он был мужем дочери одной из знакомых Бориса.

После недолгого ожидания тот взял трубку, и Борис стал с ним разговаривать. На удивление он легко согласился выполнить просьбу и через 10-ть минут уже перезванивал.

— В подъезде никого. А на скамейке у дома сидит какой-то мужчина. Я с ним заговорил о том о сём и выяснил, что его не пускают в квартиру, комнату в которой он снимает. Один замок он открыл ключом, а от второго замка ключа у него нет. Вот так вот.

— Борис! — взорвался Вадим. — Где твой квартирант?

— Дома должен быть. Сейчас посмотрю.

Борис достал запасной ключ от комнаты и пошёл смотреть. Комната оказалась пустая.

— Иди на улицу и веди его сюда, — сказал Вадим Борису, — узнаем, он ли ломился к нам всю ночь.

Ожидая прихода последнего, на всякий случай занял оборону. Лёг на пол на выходе из комнаты и направил на входную дверь пистолет. Время потянулось медленно, секунда за секундой, рождая длительное ожидание.

Дверь в конечном итоге открылась. Первым вошёл Борис со словами «Но пасаран! Враг не пройдёт!»

— Всё нормально, Вадим, — сказал он.

За ним вошёл мужчина лет 35-ти. Увидев Вадима, лежащего на полу и наставившего на него пистолет, он уставился на оружие. Бог его знает, что он в этот момент подумал. Но, зная все обстоятельства, можно достоверно предположить, что именно пронеслось в его голове.

— Вы не пугайтесь, — начал Вадим. — Я думал милиция, а встречаться с ней у меня желания нет. Поэтому так долго не открывали.

— Понятно, — успокоительно вздохнул тот. — А я сам специально комнату снял, так как меня повестками в суд уже завалили. Хотят, чтобы явился на суд, а у меня там 111-ая [*по действующему Уголовному кодексу в России, это «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»*]. Боюсь, что закроют, вот и бегаю.

В принципе, вся ситуация стала вскоре ясной, да и время уже подходило к 6-ти утра, надо было ехать.

Набрал знакомый номер и услышал утомлённый ожиданием голос Ирочки. Объяснил ей всё как мог, с долей юмора и тоном извинения, чтобы не думала, что разыграл.

— Да? Ну вот, видишь, как всё хорошо, — сказала она устало, но в голосе чувствовался произошедший часами ранее психологический срыв.

— Ладно. Я перезвоню тебе. Ложись спать, а то я у тебя всю ночь отнял.

Находясь уже на улице и поджидая маршрутку, почувствовал, что проголодался. Купил в ближайшем ларьке упаковку американских куриных сосисок и стал их жадно поглощать.

Свежий воздух, вид просыпающегося города да специфический вкус сосисок *рождали желание* **ЖИТЬ**...

Всё произошедшее казалось страшным сном, так, к радости, и несбывшимся.

Провидение:
«Все дороги ведут в Рим. Кроме одной — дороги криминала. Последняя практически всегда ведёт за решётку».

Мини-тюрьма в лифте

День проходил за днём. Стояла предлетняя жара, был конец мая. Друг за другом происходили приятные события. Поездки туда-сюда, весёлые гулянки, взаимные симпатии под свет цветных дискотечных прожекторов и беззаботная-беззаботная праздная **ЖИЗНЬ**. Хотелось вернуться назад и продлить детство. Счастливое, лёгкое и, к сожалению, такое далёкое. Тунеядство, дармоедство и осознание преступности полученных денег отходили на второй план. Деньги. Самое главное, что они есть, а каким образом получены, в веселье не важно.

Провидение:
«На чужом х... в рай не вье... За всё надо будет платить. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Пора бы свернуть с дороги. Кривая не вывезет».

Как-то одним из вечеров позвонил Коню. Квартирант Бориса съехал практически сразу же после той истории. Комната была пуста, там и расположился. С Конём договорились

встретиться минут через тридцать, он должен был подъехать к подъезду. Пока ждал, разобрал ещё раз ПМ-ку и проверил внутреннее состояние всех узлов. Когда подъехал Конь и отзвонился с трубки, надел тапочки и в спортивном костюме пошёл вниз. С пятого-то этажа можно было спуститься и пешком, но решил вызвать лифт. Пока спускался вниз, продумывал построение разговора. Мысли так затянули в иллюзорный мир, что сразу и не понял, что произошло. Где-то под конец пути, как потом выяснилось между 1-ым и 2-ым этажом, лифт встряхнуло. Послышался какой-то скрежет, визг, лязг, и лифт заклинило. Выйдя из мира иллюзий, *хотя всё относительно и самая главная иллюзия — это наш* **МИР**, стараясь сохранять спокойствие, стал нажимать на кнопки. Ни одно из нажатий результата не дало, ни одно из нажатий и ни одна из попыток разжать двери. До 1-го этажа было всего сантиметров 20-ть, которые не доехал лифт, чтобы открыть двери.

«Всего 20-ть сантиметров до **СВОБОДЫ**», — пронеслась мысль.

Где-то минуты через три в подъезд кто-то зашёл. Подойдя к лифту, дёрнул створки в стороны. Через открывшуюся щель размером в длину спичечного коробка на Вадима смотрела... милицейская кепка.

— Ну что, попался?

Воображение сразу же нарисовало специально запланированную акцию по поимке, с блокировкой в лифте. А с собою ничего, ни трубки, ни ствола — всё оставил дома. Одни тапочки, да спортивный костюм, да ещё носовой платок в кармане, чтобы высморкаться или поплакаться в него.

— Застрял, что ли, говорю? — видимо, повторно повторила милицейская кепка, вырвав Вадима из оцепенения.

— Да вот, лифт что-то не едет. Может, вызвать кого? — сказал и сразу же представил ответ: «Не надо. Уже вызвали, видишь, приехали».

— Хорошо, сейчас домой приду, позвоню.

«Да, у страха глаза велики, что правда, то правда. И Коня что-то нет, уехал уже, что ли? Ну, ладно, успокоились, взяли себя в руки. Остаётся лишь ждать», — подумал и присел в ожидании.

Провидение:
«Не так страшен чёрт, как его малюют. Но в каждом таком намалевании есть, прежде всего, предупреждение. Поэтому будь осторожнее, оступишься».

Судя по часам, ждать пришлось минут 40-к. Ремонтники что-то отключили наверху, в лифтовой под крышей дома, и открыли ломом двери. В образовавшееся отверстие и пролез. Сначала вышел на улицу — убедиться, что никто не ждёт, потом пошёл домой, раз и навсегда зарёкшись — лифтами не пользоваться и ничего не оставлять.

Придя домой, поставил Высоцкого и под чашечку кофе стал слушать. А из динамиков неслось:

«Ты не вой, не плачь, а смейся.
Нынче слёзы не простят.
Сколь верёвочка не вейся,
Всё равно укоротят.
Всё равно укоротят».

Одесса

Свобода затягивает. Новые люди, новые события... и тебе уже нет дела до того, кто в застенках, если только это не твой родственник или закадычный друг. Так и Вадим спустя 2-а месяца забыл про Одессу. Вопрос о ДТП Одесса не решил, все его обещания о решении вопроса через сидевшего тогда на централе **«Кресты» [***любая центральная тюрьма в городе на жаргоне-сленге называется «централом»***]** Ефима так и остались обещаниями. С Оксаной Вадим больше не виделся, она вышла из его **ЖИЗНИ**. С нею из его **ЖИЗНИ** вышел и Одесса.

Всё-таки Санкт-Петербург маленький город, и в этом убеждаешься всякий раз, когда,

специально того не желая, встречаешь какого-нибудь знакомого.

С Оксаной и её родным братом Женькой — типе, помешанном на игровых автоматах, встретился случайно на переходе в метрополитене. Они ехали как раз от Одессы и везли с собою кучу маляв от него. На удивление Вадима, одна из этой кучи маляв предназначалась ему.

«Что это Одесса решил написать?» — пронеслось в голове, когда забирал написанное и переписывал в записную книжку телефон Оксаны. Уже в вагоне электропоезда, сняв полиэтилен [*в тюрьме принято покрывать записку полиэтиленом и запаивать, чтобы уберечь от любопытных*], принялся читать. Ничего особенного в ней не содержалось: обычное «привет» и обычное «пока»; описание **ЖИЗНИ** своей и вопросы о твоей; «будет время, пиши» и т. д. и т. п. Ни одной просьбы, если не считать «присмотреть за Оксаной». Ни одной просьбы, и тем не менее Вадим, поддавшись внезапному порыву, послал на следующий день, посылкой, Одессе пару блоков сигарет. Послал, думая, что

совсем забыл, завертясь в этой **ЖИЗНИ** о том, что тот ещё сидит.

Обстоятельства после происков Антона заставили в скором времени воспользоваться телефоном Оксаны. По телефону узнал адрес, собрал вещи и приехал... **ЖИТЬ**. День за днём, месяц за месяцем, и тут уже нельзя было забыть про Одессу. Он был всегда в разговорах и головах Оксаны, Женьки и даже, наверное, её маленького сына Вали. Вадим, помогая Оксане отвозить передачи и стоять в длиннющих очередях, всё больше и больше настраивался на силовое освобождение Одессы. На силовое освобождение в случае судебной неудачи.

Но никаких серьёзных, требующих преступления действий предпринимать не пришлось. В один из майских дней, заснув на диване, Вадим проснулся и увидел стоящих перед ним Оксану и Одессу. Было непривычно смотреть на человека после почти годичного его отсутствия.

6-ть на 5-ть условно (т. е. 6-ть лет наказания с 5-летним испытательным сроком) — вот лёгкий испуг, которым он отделался. И попрежнему весёлость, улыбчивость и сквозя-

щий в словах аферизм. Он совершенно не изменился.

— Вадим, нужно брать, когда дают, — любил говорить он. — Если лох сам лезет в руки, почему бы его не одурачить.

— Покажи мне этого сладкого, в карманах которого пара тысяч баксов. Да я его зубами остановлю.

И в этом был весь он. Он всегда продумывал и не кидался на тему [*сленговое выражение преступления*], а если она сама подворачивалась, быстро всё схватывал и, как правило, выходил победителем.

К уже известным его выражениям:

«Наеби ближнего своего, дабы он, ненаёбанный тобою, не наебал тебя первым» и «ЧЧВ — человек человеку волк» можно добавить ещё и «Половой акт не повод для измены».

Видимо, так он и думал, когда, буквально через неделю после освобождения, поплёлся провожать домой одну из подруг ещё сидевшего подельника. И это при находящейся ря-

дом Оксане, с которой он расписался перед освобождением. Женьке тогда стоило большого труда успокоить распсиховавшуюся Оксану и найти заплутавшего Одессу.

Нормального человека в Одессе отталкивала, с одной стороны, опасность, которая от него исходила. Он слишком часто говорил об обмане и никогда о порядочности и честности. С другой стороны, привлекала его весёлость — шутки, прибаутки, умение найти выход из каждой ситуации, по крайней мере моральный, а также доля авантюризма [*на тюремном сленге «блудняк»*], с которой всё это делалось. Вадима же притягивала вдобавок ко всему ещё и надежда: общаясь с Одессой, выйти на серьёзные деньги. Ибо он доверчиво верил каждому его красочному воспоминанию, в котором тот выглядел сказочным хозяином **ЖИЗНИ**.

Как говорится, доверяй, но проверяй. К сожалению, возможность проверить выдалась слишком поздно.

Перед тем летним июльским утром, как раз всё благополучно получилось. И Вадим, осознавая приятную тяжесть денежных па-

чек в кармане, собственную безнаказанность, с долей адреналина в крови нёсся по ночному городу в компании друзей-подельников.

Ночь так и шептала — возьми и исчезни, езжай отдыхать на юг. В **ЖИЗНИ** надо, хотя бы иногда, прислушиваться к интуиции.

Прислушиваться не стал, вместо этого поехал домой к Одессе, всю оставшуюся ночь ел мороженое и смотрел военные видеофильмы. Так и дотянул до утра. Денег всегда мало, тем более, по имеющейся информации, появилась возможность забрать перевозимые 12-ть тысяч $ USA, поэтому недолго думая поехали.

Часов в 9-ть утра были уже на Чернышевского. Вадим, Одесса, Женька и ещё один пацан за рулём авто. Из подручных средств взяли с собою пистолет с глушителем и короткоствольный автомат. Выехав на набережную Робеспьера и повернув налево, справа через Неву увидели **«Кресты»**.

«Надо быть умным», — подумал Вадим, уносясь по набережной под мост.

Провидение:

«Гонит неудачников
По миру с котомкою,
ЖИЗНЬ течёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою.
Ты на милость не надейся,
Стиснуть зубы да терпеть.
Сколь верёвочка ни вейся,
Всё равно совьёшься в плеть.
Всё равно совьёшься в плеть».

Быть умным можно лишь в том случае, если обращаешь внимание на мелочи. На мелочи Вадим обращать внимание не стал. На все предложения убрать оружие махнул рукою и ответил, что в случае чего прорвёмся. Никто, на удивление, не стал настаивать, видимо, преграда **Провидения** стояла серьёзная. С этим и ехали.

Припарковавшись на глухой, без проходных дворов, улице, где находился заветный банк, стали ждать. Тихо, спокойно. Но, видимо, завертелась где-то машина, дающая отсчёт времени до назначенного часа. Сзади взвизгнули тормоза патрульной машины, и рядовая проверка документов превратилась

в досмотр спортивной сумки, лежащей на заднем сидении автомобиля.

Впору было пропеть:

Сколь верёвочка ни вейся,
А совьёшься ты в петлю.
А совьёшься ты в петлю.

Бежать никуда не стал, стараясь сохранять спокойствие. Да и куда убежишь, все дворы тупиковые [*как говорят в Питере, «колодцы»*]. Дёргаться к сумке тоже не стал, в розыске не числился, да ещё согрела мысль: «А вдруг пронесёт?»

Но не пронесло. Проверяющий документы прапорщик задал такой ненужный в тот момент вопрос: «А что в сумке?» и, не дожидаясь ответа, принялся её доставать. Попытался схватиться за последнюю соломинку: «Слушай, там оружие. Забирай сумку и *баксов* 400-та ещё дадим...» — но она бессовестно обломилась, прапорщик пропустил всё мимо ушей. Открыв сумку и обнаружив содержимое, он, видимо, только тогда понял суть сказанных Вадимом слов.

— Наручники на него, быстро! — сказал он непонятно кому, так как сам же застегнул «браслеты» на запястьях спокойно стоящего Вадима.

— Что ты встал? Возьми автомат! — это уже к стоящему рядом с милицейской машиной и потянувшемуся после сказанных слов за брошенным в машине автоматом молодому сотруднику.

Паника. Их просто охватила паника. Было бы интересно наблюдать за этим со стороны, но, к сожалению, ты сам становился участником.

Уже сидя в милицейской шестёрке на заднем сиденье, со скованными в наручниках руками, поинтересовался у молодых, слушающих Кучина ментов (в принципе нормальных-то пацанов):

— Что вы деньги-то не взяли?

— Да это наш старший, прапорщик, такой дурной. Как попадём с ним дежурить, так без денег и остаёмся. А тот, кого задерживают, потом с операми всё решает.

«Ну, мне от этого не легче, что он дурной. Хотя дурной на самом деле здесь я», — пронеслось в голове у Вадима.

Спустя некоторое время понаехало штук пять патрульных машин, слетевшихся, как мухи на... повидло.

Один из приехавших принялся обыскивать карманы Вадима. Обнаружив портмоне, он извлёк его из кармана, отдал назад за машину и вернул, но уже без денег.

Вадим пытался обратить внимание окружающих на это, но попытка осталась безуспешной. Кругом были одни менты, и дождаться помощи от них было нереально.

Отделение милиции, разочарованный дознаватель и пытающийся оправдаться прапорщик:

— Да это его сумка, он сам говорил.

— Чья сумка? — спросил он, уже обращаясь к Вадиму.

Ну, конечно, он решил геройски себя повести: «Моя!»

— Вот, слышали, слышали, — обрадовался прапорщик.

Откуда-то привели двух рабочих, ремонтирующих трубопровод. Они, по действующему законодательству, должны были выступить в роли понятых.

Один из них, тот, который был в очках, сказал Вадиму:

— Я раньше сидел, знаю кое-что. Ты можешь не говорить, что это твоё.

— Там, к сожалению, мои отпечатки... — последнее, что сказал перед завертевшейся машиной. Машиной... ареста.

Одесса был перепуган. Ещё бы, прошло всего лишь месяца полтора после освобождения и снова решётка. Как мог, успокоил его, заверив, что тот выйдет. Женька и тот был спокойнее, нежели Одесса. Держался спокойнее, хоть и вид у него был поникший. Через полчаса после понятых дёрнули к операм.

Разговор был не очень долгим. Короткое — «две тысячи баксов и ты на **СВОБОДЕ**», вносило полную ясность. С разрешения стал

звонить по телефону. Палец набирал номера, а в голове крутилась мысль о том, что могут кинуть.

Все отказали. Последним отказал Казимир. Когда ты в беде, редко кто помогает. Ворота свободного соглашения закрылись, и скоро приехали из Главка, фотографировать.

Спустившись вниз, в стакан, всё доходчиво объяснил Одессе. Это была последняя попытка-надежда на помощь — дома у Одессы был профессиональный японский фотоаппарат, его можно было заложить за 2-е тыс. $ USA на время (благодаря показаниям Вадима, Одессу должны были выпустить).

Поздним вечером вернули изъятые вещи — часы да портмоне (стали готовить к перевозу в ИВС). Открыв, обнаружил всего 150-т рублей — это всё, что осталось после «обыска». Недолго думая дал деньги Одессе — на такси, чтобы доехал с Женькой домой. Их отпустили минут через 20-ть. Ждал их в дальнейшем напрасно. Лишь позже узнал, что Одесса, спустя две недели, забрал у Бориса все шмотки и прочее, прочее, что ему, Вадиму, принадлежало. На следующий день уехало и последнее имущество — машина.

Провидение:
«Только дурак наступает на одни и те же грабли дважды. Умный же знает, что второй раз они бьют намного больнее».

Продолжение следует...

[ПОДБОРКА «НА ТЕМУ»]

Из собственных статей, опубликованных в газетах «Мир криминала», «За решёткой», «Криминальный курьер», «Вне закона».
P. S. Во всех статьях все имена и фамилии изменены.

Преступный синдикат

Тюремный фельетон

Любая система в государстве имеет свои внутренние порядки — правила и даже, можно сказать, обычаи. Учитывая, что всё запретное тянет к себе и сладко. А также то, что правила для того и созданы, чтобы их нарушать. Их в итоге и нарушают.

Собственно, так и произошло в центральном питерском изоляторе «Кресты». Некая группа медицинских работников, видимо желая пополнить денежное довольствие, выдаваемое им в системе ГУИН, а именно — врач-ЛОР Сергей Владимирович и терапевт Кимонова, мужчина и женщина, развили активную деятельность. Так как в «Крестах» ходят наличные деньги и есть состоятельные заключённые, нужно только умудриться предложить товар, пользующийся спросом, и действовать. Именно так и стал делать врач-ЛОР, нося в изолятор медицинский спирт в резиновой грелке. Приносил за пазухой через

проходную и продавал через рабочего-санитара по 500 рублей за 0,5 л. Этого было, безусловно, мало и в дополнение, что в «Крестах» практикуется регулярно, он стал помогать отправлять заключенных в МОБ им. Газа (межобластная больница) системы ГУИН, делая фиктивные справки о заболевании. В среднем такая услуга стоила $200 USA. Деньги передавали как сами заключённые непосредственно, так и родственники на свободе. Для этого врач-ЛОР одевался непрезентабельно и, встречаясь на Финляндском вокзале, получал деньги. Их он спешно прятал в шапочку и ретировался. Долго не подходил, смотрел со стороны, прямо как шпион, и убегал в неизвестность, словно похититель яблок из соседского сада.

Если вы хотите позвонить по сотовому телефону Siemens, это не составит труда. Терапевт вызовет вас специально из тюремной камеры в кабинет и предоставит данную услугу. Ну а если вы хотите употреблять наркотики в изоляторе, да ещё вводя их внутривенно специалистом-врачом, вам опять же к этому же терапевту. Или можно к фельдшеру. Есть в «Крестах» и такой.

Каждый крутится, как может, особенно если государственная система не платит достойно, а даёт крохи медработникам (и не только последним). Крутится, но надо ведь и границы знать, дорогие товарищи. Вконец распоясавшийся врач-ЛОР, возомнив, видимо, себя под покровительством братков, стал просить последних дать взбучку оперативному работнику, разоблачающему его. Хорошо, что братки попались благоразумные и, чисто по-человечески поразмыслив, предупредили крестовского опера о готовящихся происках врача-ЛОРа. Вот так вот. Недалеко, оказывается, идти от медицинского работника до заказчика избиения и убийств. Не так долог этот путь.

Вышеуказанные персоны работают и поныне. Делайте выводы. Рука руку моет. Видимо, не одни они в синдикате.

Туда-сюда, обратно. Тебе и мне приятно

За решёткой свои порядки. С одной стороны те, которые устанавливает местная администрация, с другой те, которые устанавливались годами тюремным обществом. Незнание первых приведёт новичка-первохода в карцер. Незнание вторых сделает из мальчика девочку, навсегда причислив его к обиженным и петухам.

Не зная броду, не суйся в воду

Незнание тюремных правил, установившихся за многие годы в тюрьме, может действительно привести к пагубным последствиям для новичка-первохода, оказавшегося по ту сторону забора. Правил этих, общих для всех, не так уж и много, и в каждой камере, даже самой беспредельной, считают своим долгом объяснить их новичку. Объяснить для того, чтобы спросить с него, если он их нарушит.

«Нельзя ходить без спроса в туалет, когда в камере кто-нибудь ест!» и «Нельзя брать

чужого! На воле это воровство, а в тюрьме крысятничество!» — вот то, что слышит каждый, переступивший порог тюремной хаты. Слышит, но часто забывает и бежит в туалет, когда кто-то трапезничает и, не в силах совладать со своей манией воровства, крысит у других арестантов вещи и продукты. А правила на то и существуют, чтобы за их нарушением следовало наказание.

В тюрьме, в условиях изоляции от противоположного пола, вопрос сексуального удовлетворения всегда стоит довольно остро. Наверное, поэтому за нарушение правил нарушителей наказывают наказаниями сексуального характера. Лидеры чёрного тюремного движения без устали пишут в тюремных прогонах-обращениях к арестантам, что членом не наказывают, что все сексуальные действия могут происходить только на взаимной основе, от этого, правда, петухов меньше не становится.

Зэки на то и зэки, чтобы нарушать все правила, если речь идёт об их ЖЕЛАНИЯХ. Где этого нельзя сделать в открытую, в дело идут ухищрения, хорошо «подвешенный» язык и умение «подвести» жертву к необхо-

димому финалу. Ну а если жертва сама даёт повод, грех не воспользоваться им. Здесь, в тюрьме.

Аккумулятор

Андрею Кохану было восемнадцать, когда за кражу автомобильных колёс и аккумуляторов его посадили в тюрьму. Кражи были обусловлены употреблением наркотиков, на которые постоянно были нужны деньги, поэтому он и стал... воровать. И если все дороги ведут в Рим, то дорога воровства ведёт за решётку. По этой дороге Кохан, в конце концов, и дошёл до железной двери в тюремную камеру.

Тяжёлая старая дверь со скрипом отворилась, и он оказался на пороге тюремной хаты. На тот момент в ней парились двенадцать зэков, и на Кохана поэтому смотрело сразу двенадцать физиономий. Встретили его как обычно для босяцкой хаты — не пинками и тумаками как у беспредельщиков, а расспросом о жизни — кем он в ней был и что делал. Узнав, что он наркоман, посочувство-

вали, но со всеми в картишки перекинуться не предложили, указав на угол. Посиди, дескать, там, не мешай.

Кохан, устроившись в углу, стал изучать тюремную камеру, точнее, то, что ему было видно, так как угол был закрыт висящими на канатиках одеялами. Блуждающий взгляд вскоре наткнулся на висящий рядом полиэтиленовый пакет. Недолго думая он решил проверить, что там. Аккуратно снял с гвоздя одну из шуршащих ручек пакета и засунул руку внутрь. В пакете оказались пирожки. Радости его не было предела. После трёх дней в собачнике, когда есть пришлось только перловку с хлебом, хотелось чего-нибудь домашнего и вкусного.

Желание съесть пирожок было таким огромным, что Андрей, начисто забыв про предупреждения на входе, стал жевать. Один пирожок только разыграл аппетит, и за ним вскоре последовал другой. Тут его и застукали.

Хоть в камере и шла увлечённая игра в карты, шум шуршащего пакета услышали все. А заглянув в угол, обнаружили Кохана, прозванного уже между собой Аккумулятором, жующего чужие пирожки.

Обычно за крысятничество пищи в тюрьме делают следующее. Дают голодной «крысе» тюремную еду (на жаргоне баланду) и предлагают есть её без ограничений. До тех пор, пока любителя чужих продуктов не вырвет или он, поддавшись уговорам, не согласится на что-нибудь.

В камере, в которую попал Аккумулятор, так и сделали. Дали ему две большие миски с перловкой (на жаргоне шлёмки) — как раз то, что давали на завтрак, — и буханку чёрного хлеба (белый хлеб в тюрьме считается диетпитанием). «Хочешь есть, значит, жри», — сказал ему один из арестантов. «А не будешь жрать, мы тебя головой в унитаз засунем», — добавил другой.

Делать нечего, вот Аккумулятор и стал, еле ворочая ложкой, жевать ненавистную перловку. Рядом же с ним сел один из зэков, у которого лучше всех был «подвешен» язык, и стал совращать: «Ну что, хреновая перловка? Так ты её не ешь. Есть способ жить лучше, вкусно питаясь. Подрочишь разок и всё».

Когда оставалось ещё полшлёмки перловки и половина буханки хлеба, Аккумулятор не выдержал и... согласился.

Аня

Радостные зэки повесили между нарами одеяло, чтобы не было видно того, что будет происходить. Аккумулятора попросили помыть руки и, отодвинув одеяло в сторону, дали возможность пролезть за него. Сами же, путём жребия, выбрали счастливчика. Тот с гордым видом удалился в камерную опочивальню.

Аккумулятор думал обойтись лишь одними прикосновениями, но не тут-то было. Засиженный зэк объяснил ему, что в тюрьме если взялся за член, то придётся идти дальше, пока он не подставит попу. Но, безусловно, можно всё сделать иначе, ведь они одни и никто не узнает, что между ними происходило. Аккумулятор сделает несчастному, истосковавшемуся по интимным ласкам зэку минет, а тот скажет всем, что ничего не было, что Аккумулятор даже и не дрочил. Находясь за одеялом, в кромешной темноте, Аккумулятор плохо соображал и не почувствовал подвоха. Раз зэки полезли за одеяло и находились там некоторое время, то никого не удастся убедить в том, что между ними

ничего не было. Превозмогая отвращение при виде чужого мужского достоинства, он стал доставлять изголодавшемуся зэку сексуальное удовольствие.

Если новичок-первоход попал в лапы засиженных зэков, то они уже не выпустят его, пока не разведут на всё, в том числе и на его зад. Шаги, правда, в этом направлении делаются осторожные и деликатные, на то они и засиженные зэки, а не беспредельщики. Если последние попросту заламывают руки и начинают насиловать, жестоко и сильно, не используя порою даже крем, то хитрые урки грамотно всё объяснят и дадут выбрать из двух зол меньшее, не прослыв при этом беспредельщиками.

Так и сделали дальше зэки с Аккумулятором, точнее, уже с Аней, так они его прозвали после похода за шторку. Сначала дали возможность доесть «вольные» пирожки, затем стали плакаться и говорить, что вот он теперь, дескать, доволен, а они такие бедные и несчастные и многие годы без женщин. Что раз он столько времени был за шторкой, то по тюремным понятиям они имеют право его поиметь. Но они всё понимают и предлагают

ему выбор: либо все его будут иметь, либо он им всем по очереди подрочит. Естественно, Аккумулятор-Аня выбрал(а) последнее.

И вот зэки вереницей, друг за другом, с промежутком в двадцать-тридцать минут потекли за шторку к уже камерному петушку. Понятное дело, что никто не ограничился лишь тем, что было заявлено вначале. Ане пришлось удовлетворить всех и орально.

Чем дальше, тем спокойнее себя чувствовал Андрей Кохан. «Работа» становилась привычнее, тем более каждый раз после неё он получал и вкусную еду, и хорошие сигареты. Зэки теперь пользовались его «услугами» по мере необходимости, кто чаще, кто реже. Аккумулятор привыкал, зэки же выжидали, когда он морально свыкнется со своей ролью. Когда минула вторая неделя сексуальных камерных утех, один из особо нетерпеливых решил совратить Аню вконец. Убеждения его были просты. «Член сосал? Сосал. В другой хате, значит, уже давно бы отымели в задницу, да ещё без крема. Либо дашь мне с твоей попкой поиграть, либо мы тебя всей хатой отымеем». Делать нечего, и Ане пришлось подмываться. Одним мужским

достоинством дело не ограничилось. За одним разом последовал другой, а за первым зэком второй. Зэки же, удовлетворяясь, всё приговаривали: «Не бойся, это не больно. Это как какать, только в обратную сторону».

Вскоре вся камера уже имела свою Аню так, как хотела. А Аня, удовлетворяя всех, думала: «Как хорошо, что в этой камере и с кремом, а вот если бы в другой, да ещё грузины...»

Спустя три месяца Кохана осудили, дав год колонии общего режима. И когда автозак вёз его на ближайшую зону, он думал о том, что на этом всё закончилось и там ему удастся стать опять самим собой. Тем же этапом один из заключённых вёз про Аккумулятора записку-маляву, где писалось про все его слабости и прегрешения. Ведь зэки хитрый народ — попользовался сам, дай попользоваться другому, на то оно и тюремное братство.

С камнем за пазухой, или Кто сидит в наших тюрьмах

Для стороннего наблюдателя тюрьма предстаёт неприступной стеною с решётками на окнах. За этой стеною своя жизнь, свои порядки, за решётками на окнах другие, иные, люди. Люди, которые недавно были рядом с нами, а теперь оказались ТАМ.

Кто же всё-таки сидит за решёткой? И что представляют из себя эти люди? Перед вами взгляд изнутри устами очевидца.

Немного о психологии

Не претендуя на объективность, но долгое время наблюдая за более чем тремястами заключёнными, можно с уверенностью сказать, что в душе большинства из них надломленность и смятение. Особенно если арест в их жизни первый. Страх. Страх перед неизвестностью. «Что будет дальше? А что там, в тюрьме?» и т. д. и т. п. Страх перед системой, ментами и... зэками. Боязно, словно

перед прыжком в бурлящую воду, но прыгнув и окунувшись... Спустя время — недели, месяцы, годы — любой привыкает и успокаивается. Недаром говорится, что человек такая скотина, которая ко всему привыкает. Но успокоение наступает не навсегда. Перед датой суда, особенно перед приговором, если по делу нет положительной ясности, сердечко начинает учащённо биться, нервишки шалить, а внутривенное давление неумолимо расти. И чувство это у многих такое, которое можно разве что сравнить с беспокойством и мандражом перед экзаменами, но увеличенное раз в пять, десять. Ну, бог с ним, с этим чувством и беспокойством, оно и понятно, хоть и неприятно. Любой будет волноваться, когда на его жизни вот-вот поставит крест возможно не очень праведный человек в судейской мантии. Более всего изматывает и убивает арестованного человека неизвестность по поводу жизни его родственников на свободе и беспокойство за них. «Своя рубашка (как известно) ближе к телу», — именно этим выражением многие преступники оправдывают для себя преступления, совершённые против других людей.

С камнем за пазухой

Можно всегда все подменить и переиначить, сделав для себя исключение, но подсознательная оценка того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», остается неизменной.

Плохо приносить несчастье другому, ведь «на чужом несчастье счастья не построишь» и «как аукнется, так и откликнется». Эти прописные истины заложены в каждом с рождения, но большинство их просто заглушает, находя компромисс со своей ...совестью. Многие из находящихся за решёткой, видимо, уже давно заглушили их проявление, заставив заглушить свою совесть... навсегда. Можно вести длительные дискуссии на тему такого психологически-противоестественного явления, называя в качестве первопричин и само общество, и бытовые условия, и российский менталитет, включающий в себя лень. И в конце концов, возможно, будет найдена истина. Но тем не менее я просто не понимаю, в моей голове не укладывается просто всё нижеизложенное. Нарушив закон, люди попадают в застенки, кто действительно как виновник, а кто лишь

по недоразумению. Различные типы характеров, социальный статус и мировоззрение часто, как «белое» и «черное», как «небо и земля», различают их. Но, несмотря на это, я всё чаще и чаще от различных этих «слоёв» слышу одно и то же. Где вся суть заключается в торжестве и получении удовлетворения от гибели... сотрудников силовых ведомств. Именно всех силовых ведомств, так как слепая ярость, направленная против тех, кто участвовал при аресте, уже не различает ничего. Ни плохих, ни хороших, ни ментов, ни федералов. Радости нет предела, и когда сообщают о гибели сотрудников ОМОНА в Чечне, и когда становится известно о гибели военных там же. Даже в момент захвата заложников в Театральном центре приходилось слышать о желании массовой гибели... спецназа. Все симпатии почему-то на стороне чеченцев, а ненависть и зло выплёскиваются исключительно на Российское государство. Практически все ненавидят Путина, и лишь потому, что он выходец из спецслужб. Практически все утверждают, что милиция не нужна и без нее... было бы лучше. Что это? Деградация? Или нежелание признать

себя истинным виновником своих бед? Или проявление собственной слабости как физической, так и духовной. В любом случае, это однозначно извращённое мировоззрение. Мировоззрение, противоречащее само себе и показывающее свою слабость и неустойчивость. Ибо когда они в застенках, то их враги исключительно в погонах, без различия принадлежности к структурам. А когда они на свободе, вред наносится обычным гражданам, очевидно из-за того, что обычные граждане слабее структур.

Умом можно понять всё. Только, к сожалению, не Россию, где в начале XXI века большая часть зэков люто ненавидит власть, призывая к её свержению и анархии. Последнее вызывает недоумение и никак не ассоциируется с современной цивилизацией.

Тюремная оппозиция

О времена, о нравы... В человеческой жизни всё меняется, на то и существует прогресс. В российских тюрьмах и зонах издавна существовала и существует оппозиция

действующей администрации. Оппозиция, состоящая из заключённых. На её существование не повлияла ни передача зон и тюрем в ведение Министерства юстиции из-под крыла Министерства внутренних дел, ни этот самый приход прогресса. Только оппозиция видоизменилась. На смену фраерам пришла братва, воров в законе и положенцев дополнили смотрящие: за корпусом, за галёрой, за общим (в тюремной переписке обозначается буквой **о**), за медикаментами, за ширпотребом (большей, наверное, ахинеи придумать нельзя), да и само звание вора в законе стало легко купить за деньги. Купить, даже ни разу не побывав за колючей проволокой. Появились так называемые бандюки-отморозки, беспредельщики, которые не прислушиваются к «братьям своим старшим» — ворам, а мочат их «без суда и следствия». Влились новые кадры — наркоманы и прочие окатыши жизни. И оппозиция, именующая себя чёрным движением, пропагандирующая всюду и везде за колючей проволокой воровство, неповиновение ментам и карточную игру как смысл людской жизни, превратилась в разнородную смесь старых засиженных зэков

с прогнившими зубами и с больными туберкулёзом лёгкими и новых преступников с трясущимися продырявленными иглами руками. Смесь карт, маляв (записок новых преступников) и больших столовых ложек с раствором в сознании. Но в любой оппозиции, даже самой разнообразной по составу, есть свои лидеры и свои тёплые, редко вакантные места. Думается, как раз и пришла пора задать этот непонятный, не очень хорошо звучащий по-русски вопрос: «Ху из ху?» Русский его аналог — «Кто есть кто?» звучит куда эффектнее.

Так кто же, кто в этой тюремной оппозиции? И чем она отличается по сути своей от политической партии, от церкви или от бизнес-структуры? В ней, как и во всех вышеперечисленных явлениях общественной жизни, есть свои тезисы и принципы, свой образ жизни и сленг. Но ведь всё это было и у анархистов батьки Махно, и у коммунистов многих стран. Но куда вели их идеи?

«Процветание всюду Хода Воровского!» — лозунг, девиз и цель конечного существования тюремной оппозиции в одном лице. Что-то очень это похоже на «Пролетарии всех

стран, соединяйтесь!», но в более извращённой и деградированной форме — «Преступники и воры России, объединяйтесь!». Советские коммунисты мечтали, или делали вид, что мечтали, об обществе рабочих и крестьян. Судя по слоганам чёрного движения, основная масса только, видимо, и мечтает, что о полной победе правонарушителей в стране (а может быть, и во всём мире). «Кого же тогда обворовывать и грабить будете, господа?» — хочется задать такой вопрос представителям криминала. Грош цена тем идеям, которые заведомо невыполнимы и состоят из ахинеи. Думается, к сказанному добавить нечего. Одна фраза иногда содержит в себе больше, чем толстая книга.

Если с абсурдностью воровских идей всё понятно, то на тему того, что же вызвало появление тюремной оппозиции, можно поразмышлять. Вероятнее всего, первопричиной её появления стало недовольство тех, кого арестовали, теми, кто арестовал. Но это только первопричиной. Основой тюремной оппозиции, как и политической партии, церкви и бизнес-структуры, прежде всего является борьба... за деньги и за власть, за

положение в этой структуре. Всеми правдами и неправдами, прикрываясь совестливыми человеческими лозунгами (прямо как баллотирующиеся депутаты) и лицемеря, лицемеря, ползут вверх адепты, дабы получить... положение. Положение в структуре, использующей своих членов. Бедность и голытьба — вот что породило появление тюремной оппозиции, именуемой чёрным ходом. Желание жить за счёт других, за счёт того, что у них есть, за счёт их труда породило то, что есть — блатных, мужиков и другого вида вариации на тему «Кто ты по жизни... по нашей жизни?». Желание пожить на халяву, пожить на халяву, ленясь, — вот двигатель подсознания тех, кто именует себя блатными в тюремной оппозиции. Возможно, это и есть проявление русской сущности во всей своей красе. В красе воровства и преступности.

Враг номер один для тюремной оппозиции — это администрация. Что, собственно говоря, и естественно. Вам бы понравились ваши надсмотрщики на плантациях? Но этот враг не только в лице администрации, он ещё и в лице всех без исключения ментов и вооб-

ще всех тех, кто носит погоны. Без разбора, одним совком, в эту кучу гребут «высокоодарённые» зэки и военнослужащих, и пожарных, и налоговиков, и вообще всех представителей власти. Бей ментов, конфликтуй с ними и... Но это здесь, за решёткой. Там же, на свободе, они почему-то насилуют, убивают, грабят и воруют у обычных граждан, у нас с вами. У мирного населения, которое в этой войне не участвует. Почему? Почему эти одухотворённые своей идеей гопники (другое слово подобрать трудно) не выискивают квартиры милиционеров, не выслеживают последних тёмными вечерами, а предпочитают грабить старушек, несущих свои сумочки с пенсией? Потому что внутри все эти отбросы трусливы, и менты им мешают лишь тогда, когда охраняют и не выпускают на свободу или задерживают. Очередное лицемерие? Судя по всему, да!

Игры в клетке

«В каждой избушке свои погремушки» — эту фразу очень любят повторять те, кто, вступив в конфликт с законом, оказался на жёстких тюремных нарах. При этом под словом «избушка» подразумевают «хату» — так на зэковском жаргоне кличут камеру СИЗО. Камерная система формирует свой мир, или, точнее, мирок, свой внутренний микроклимат. А уже из происходящих в этих «избушках» событий складывается общая картина о тюрьме в целом. Счастливчик тот, кто не своими глазами увидел эту картину, а узнал о ней из рассказов очевидцев и прессы. Ибо самому испытать такое — не приведи Господь...

«Скушно, аж жуть...»

В российской тюрьме эти слова из песни Высоцкого наилучшим образом отражают повседневное положение вещей. Порою так скучно, что в четырёх стенах приходится в буквальном смысле лезть на стену. Чтобы

не сойти с ума от однообразия и обыденности, зэки придумывают всевозможные игрища-развлекалово, нередко калечащие морально и физически таких же, как и они, сидельцев.

Первыми, кто попадает под такие штучки-дрючки, становятся первоходы. Они часто нравственно ушиблены всем произошедшим с ними и становятся лёгкой добычей более опытных уголовников. Принимая всё за чистую монету, до конца не осознавая, что их окружает мир обмана и интриг, где основным занятием является «развод лоха», они, раскрыв рот и развесив уши, слушают подсевшего к ним «доброжелателя». А доброжелатель для забавы своей и сокамерников и в душу заглянет, и посочувствует, и подведёт, в конце концов, под монастырь.

Обычно над первоходами, используя их огромное желание быстрее выбраться на свободу, шутят таким образом. По действующим правилам содержания заключенных в изоляторе, сотрудники вечером объявляют фамилии дежурных в каждой камере на ближайшую ночь. Основная задача дежурного — поддерживать ночью порядок в камере:

следить, чтобы горел свет, не было попыток побега, суицида, конфликтов между сокамерниками. В случае какого-либо ЧП в камере именно дежурный первый, независимо от своего непосредственного участия в инциденте, подвергается наказанию.

Безусловно, вновь прибывший в тюрьму и ведать не ведает, что обозначает для него стук ботинка в дверь и объявление его фамилии. Никогда и никто из сотрудников этого ему не объясняет. Поэтому объясняют сокамерники, желающие поразвлечься и позубоскалить над неопытным сидельцем. «Повезло тебе, паря, — вздыхает кто-то рядом. — Утром ты поедешь на хлебозавод, машину для тюрьмы загружать. Сорваться можно по дороге, а если вдруг не получится, так хоть в магазин или ларёк сходишь, если деньги есть. Только если в три часа не откроют, ты сам стучи в дверь, а то “цирик” проспать может все на свете».

И вот, не услышав вовремя скрежета открываемого замка, в три часа ночи с криками, что «тюрьма останется без хлеба», «разведённый лох» ломится в дверь «хаты». Никто в камере, разумеется, не спит. Арестанты

лежат на шконках, с трудом сдерживая смех. В «крытке» при постоянном напряжении и давящих стенах дай лишь повод для смеха — разрядка нужна всем. И когда за кричащим и доведённым до отчаяния из-за того, что его «забыли», первоходом закрывается дверь и невыспавшиеся, а потому злые как черти вертухаи ведут его писать объяснительную и учить дубиналом не нарушать ночью тишину в СИЗО, камера, хватаясь за животы, хохочет.

Полёты во сне и наяву

Вышеописанная развлекуха — всего лишь детский лепет по сравнению с «приколами», которые прибавляют немало седых волос людям, впервые столкнувшимся с зэковскими шутками-прибаутками. Например, взяв в оборот первохода и посадив его рядом с собою на нары играть в карты, сначала без интереса, а потом на приседания и отжимания, опытный сиделец-картежник делает за пару часов

игры из первохода такого должника, что тому остается только броситься головой с третьего шконаря.

Проигравшемуся завязывают глаза полотенцем, и если тот не прыгает вниз сам, сталкивают вниз. Тот, до прыжка и когда летит, успевает попрощаться со своей небезгрешной жизнью, дав страшную клятву: если случится чудо и он выживет после этого своего последнего полёта, то навсегда «завяжет» и не дотронется больше даже до чужой копейки. Но до пола он, естественно, не долетает — синяки и переломы (а потом, как следствие, беседы с тюремным «кумом» и расселение по другим «хатам») скучающим зэкам абсолютно не нужны. В тот самый момент, когда одни завязывают глаза, другие на уровне второй шконки натягивают одеяло. Ожидание прыжка, полёт и приземление — для одних повод для смеха, для «парашютиста» же нередко испуг, заикание и прочие воспоминания на всю оставшуюся жизнь.

Смех смехом, а реальность реальностью. Желание повеселиться понятно — без снятия напряжения, хоть и таким не совсем гуманным способом, в тюремных застенках

можно легко спятить. А вот как объяснить желание поиздеваться, поглумиться, унизить рядом сидящего заключённого? И пусть за ним обман (по тюрьме «фуфло»), кража у своих же сокамерников («крысятничество»), ситуация, когда для одного эта провинность становится постоянным издевательством над его человеческой сущностью, а для других повседневной обыденностью, не поддаётся пониманию.

«Мальчики по вызову»

В одной из тюремных камер известного всей стране следственного изолятора, в шестиместной, при общей численности заключённых двенадцать человек, жили, в прямом смысле этого слова, лишь три человека. Именно жили, тогда как другие лишь существовали. И что сидящих в ней привело на тюремные нары, пусть останется следователям и прокурорам. Посмотрим на бытовую сторону камерной жизни.

Троица жила днём, смотрела телевизор, играла в шахматы и нарды. Читала книги. С виду вполне спокойное, благообразное сидение арестантов. Если бы не несколько «но»... Если кто-то из них проголодался, он кричал: «Повар!» На этот крик с нар спускался арестант, одевался в белую рубашку и надевал колпак, после чего готовил еду. Когда же всё было готово, он в свою очередь кричал: «Официант», — и через пять минут сиделец, одетый в чёрные брюки и белую рубашечку с бабочкой, обслуживал «клиентов», желающих поесть.

Двое из троих курили. Поэтому после сытного завтрака (обеда, ужина) выкуривалась сигаретка. Пепел стряхивался прямо на пол, а окурок тушился в пепельнице. Как только курение завершалось, следовал возглас «Уборка!» и из-под нар вылезал «человек-пылесос». Точнее, два пылесоса. Один из них был двигателем и держал за ноги другого. Тот же, в свою очередь, был шлангом. Засасывая в рот пепел и прочую грязь с камерного паласа — толстого одеяла, он лизал языком то, что прилипло. Этакий моющий пылесос. Так эти подшконочные жители и

убирались изо дня в день, меняясь каждый раз, и, видимо, уже давно свыклись со своей участью.

Окурки иногда тлели в пепельнице, и если от них шёл дым, кто-то из троих кричал: «01». На крик появлялся арестант с брызгалкой из пластмассовой бутылки, в склеенном из бумаги пожарном шлеме. Он, являясь камерным пожарным, тушил тлеющий окурок. Нередко в камеру светило солнце. Тогда кто-то из живущих говорил: «Жалюзи!», и солнечный свет переставал проникать в помещение. Вообще описывать работу жалюзи неблагодарное дело, так как это просто надо видеть. Двое, одетые в костюмы с галстуками (!), постоянно в течение дня сидящие рядом с решёткой, сдвигались при слове «Жалюзи!», не пропуская солнечный свет, и раздвигались в стороны при слове «Солнце!».

Если в камере раздавалось «03», то это означало, что кому-то требовалась таблетка и стакан воды. И под звук сирены, в белом халате и колпаке врача, на обжитом пространстве камеры появлялся фельдшер. Он же, если у пациента наблюдалось вздутие жи-

вота и повышенное газообразование, вызывал «форточника», тот... вдыхал газы и, добежав до решётки, выдыхал их прочь из камеры.

Ближе к ночи появлялся «массажист» с массажным маслом, мыл руки и начинал массировать всех по очереди. Спину, ноги. Тот же из троих, кто расслабил своё тело, листал журнал знакомств, выбирая себе по фото понравившуюся шлюху. Нет, её не заказывали в тюрьму, хотя по телефону в салон действительно звонили, узнавали о цене, договаривались об услугах и, говоря, куда приехать девочке, хохотали. После такого звонка у звонившего действительно появлялась «ночная бабочка», одетая в женские колготки, короткую юбку, обтягивающую блузку. Это был камерный пидор. И пусть женская грудь у него отсутствовала, зато на голове был настоящий женский парик, губы подкрашены, брови подведены, а лицо напудрено. И выполнял он все те услуги, звучавшие ранее по телефону. Правда, вместо денег он получал хорошую еду взамен баланды, но ощущение от посещения борделя ни у кого из троих «хозяев жизни» не исчезало.

Автор позволил себе собрать воедино все случаи, которые реально происходили в разных камерах и разных СИЗО. Суть же всего изложенного одна — жестокая тюремная действительность часто навсегда калечит жизнь многим попавшим в неё.

Тюремный быт, или То, что остаётся за кадром

Об этом, как правило, не пишут, не говорят. Это не сенсация, не увлекательная история. Это быт, из которого складывается и вся тюремная жизнь.

Чистота воздуха

Маленькое тесное пространство и постоянный контакт с другими людьми — вот вся суть камерной жизни. У человека нет возможности уединиться, он постоянно на виду. На виду у других.

И с этими другими ему приходится жить, справлять естественные потребности, умываться и кушать. А это всё очень не просто, ой как не просто. Туалет в камере и умывальник один. На унитазе долго не посидишь, зубы долго не почистишь. Да и не поспишь вволю. Спальных мест, именуемых нарами и шконками, частенько не хватает на всех.

Поэтому спят по очереди, меняясь. Внизу, между нарами тоже всем не пободрствовать, так как места попросту на всех нет. Ко всем этим неудобствам со временем привыкаешь, но есть многое, к чему привыкнуть не может никто. Главное в камере — это воздух. Если он не чист и очень влажен, то это ведет не только к дискомфорту, но и к туберкулезу лёгких. Настоящий бич камерного воздуха — это сигареты. Курильщики хотят курить и травят и себя, и всех остальных. Во многих камерах этот процесс происходит по-разному. Где-то сидят и дымят всей камерой сразу (часто это происходит в камерах засиженных урок). Например, все десять человек как возьмут и закурят... Дымовал стоит до потолка. Проветрить нельзя, с решки (решётка в тюрьме) ветер не дует, кормушка (окошко во входной двери) наглухо закрыта дневальным по этажу, и поэтому циркуляции воздуха практически нет. Концентрация никотина огромна. Он оседает не только в лёгких, но и на стенах, матрацах и одежде. Желтизна в итоге присутствует в камере везде. Там, где сидят люди поумнее, кто хочет выйти на свободу более-менее здоровым, курят по очереди, ус-

танавливают в вытяжку вентилятор и дымят прямо в его крутящиеся лопасти, куря стоя. Есть камеры, в которых большинство не курит или «власть» держит пара-тройка спортсменов. В таких не курит никто. Никогда. Курящие зэки, сидящие в таких хатах (камерах), курят лишь на прогулке, в бане, у адвоката и в ожидании свидания, сидя в стакане (место, огороженное решёткой) на галере (этаж). Курящим в таких камерах приходится трудно, многие дымят ночью, когда некурящие спят, рискуя при этом своим здоровьем. За курение тайком жёсткие спортивные ребята могут не только проучить тумаками, но и заставить съесть не одну пачку сигарет, прожёвывая и запивая водой. После такой еды отвращение к сигаретам у питавшегося длится от суток до недели, позже он опять начинает хотеть... курить. Не бросает никто. Какими бы страшными не были последствия и наказания со стороны других заключенных. Излюбленные оправдания таких зэков — «уши пухнут без сигарет»; «я гоняю (нервничаю) перед судом и без сигарет успокоиться не могу».

Воздух портят не только сигареты, но и естественные действия для каждого — по-

ход в туалет. Зэки, так как в камере нет освежителей воздуха, жгут спички, а нередко бумагу, включают также воду в унитазе. Вода не даёт скапливаться источнику запаха и заглушает звуки, которые, поверьте, слушать постоянно ой как не хочется. Вода делает в этом случае не только доброе, но и злое дело — подготавливает предстательную железу к простатиту и аденоме. Раз уж речь зашла о туалете, то обязательно стоит отметить и такой момент, как проблемы и особенности мочеиспускания в камере. Там, где сидят глупцы или царит хаос в управлении камерной жизнью, это делают стоя. При этом звук струи в камере звучит постоянно, и всё вокруг унитаза забрызгивается жёлтой жидкостью. Люди думающие и брезгливые, не желающие «фаршмачить» всё вокруг отхожего места, делают эту процедуру сидя. Отдельно стоит отметить, что стульчак с крышкой для унитаза администрацией не предусмотрен. Зэкам дан в камере сам унитаз, нередко с трещинами и подтекающий, и вынуждены они, со свойственной всем попавшим в беду людям смекалкой, с честью выходить из неё. Крышку для унитаза (черепаху)

делают, как правило, из доски, обтягивая её сверху куском кожаной куртки, подложив под неё для мягкости (унитаз с крышкой в камере используют как сидячее место, так как сидеть кроме нижних шконок и топчана-пуфика не на чем) вату из матраца. Сам стульчак (именуемый в камере бублик) делают из склеенной между собой бумаги или картона, подложив для мягкости ту же самую вату, обмотав её сверху полиэтиленом и дважды материей (часто используют ленты из простыни). Верхнюю регулярно стирают, сматывая, а потом снова наматывая, подшивая. К слову, через такой вот бублик в камере часто идет распространение чесотки. С ягодиц больного она переходит на ткань, а далее и на ягодицы (именуемые в тюрьме ласково «булки») здорового. В камерах с иерархией таких бубликов два, один для демонов, чепушил, бандерлогов (неопрятных людей, потенциальных переносчиков заболеваний), другой для элиты.

В завершение темы ещё об одном наболевшем явлении, связанном с чистотой камерной атмосферы. Это газы. Когда человек не спит, он может себя контролировать, а когда спит? При газовой атаке жгут газеты и

будят всех спящих, предлагая последним сходить в туалет. Многие отнекиваются, говорят, что это не они. Тогда в дело вступает камерная проверка на источник газов. Подозреваемому резко бьют кулаком в живот. Если это он, сзади раздаётся характерный звук, и тогда тумаков и затрещин ему не избежать. В камере с иерархией изобличение происходит гораздо проще. Есть определённый зэк-нюхач (на малолетке есть форточник, который вдыхает все газы в себя и бежит к решётке, выдыхать), который нюхает воздух возле поп спящих и точно выносит вердикт, кто виновен. Виновные подвергаются изощрённому наказанию. Это и «полёт в космос» («космонавт» становится немного наклонившись вперёд, подняв кверху зад, зэк — пусковая установка виснет на руках между шконками и, раскачав ноги, с силой бьёт ими по заду другого — если впереди дверь, тот может потерять сознание при полёте), и армейский лось (руки провинившегося сплетаются в рога над головою, чуть выше лба, ладонями наружу, бьют по ним кулаком, стараясь пробить «рога»). Однажды в одном из изоляторов лежащие под нарами заключённые получили серьезные ожо-

ги, так как в ответ на газовую атаку спортсмен-беспредельщик, командующий в камере, зажёг толстушку-газету и бросил под шконку, закидывая обратно, когда её выбрасывали.

Наверное, лишь в тюрьме, в камере, понимаешь всю прелесть одиночества. Одиночества, доступного на СВОБОДЕ.

Прогулки и банные дни

Разнообразия в камерной жизни немного. К свиданиям, походам к адвокату и поездкам на суд стоит лишь добавить, безусловно, прогулку да баню. Прогулка по условиям режима содержания должна длиться не менее часа и быть каждый день. На деле бывает наоборот. Словно специально, преследуя только им одним — сотрудникам — известные цели, в тёплое время года прогулка длится как можно короче, сорок, а то и тридцать минут. Зимой же, когда температура воздуха далеко за минус, зэков оставляют гулять на весь час, а то и на два. Вообще-то в этом есть логика,

которая приходит в голову, если знаешь некоторые особенности. Летом хочется дышать воздухом дольше, а за это нужно платить. 50, 100 рублей — и у камеры длительная прогулка и большой дворик. Кроме того, летом больше зэков идет гулять, и чтобы вывести всех, «прогульщики» сокращают время прогулки. Зимой же народу идет гулять мало, заводить обратно в камеры не торопятся, дескать, пусть погуляют, замёрзнут и больше не пойдут.

Сами дворики очень малы и для прогулки большого числа заключённых — от шести человек — непригодны, поэтому стараются идти не всем составом хаты. Чтобы размяться, многие бегают, чаще на месте. Делают импровизированные мячи и играют в футбол. Делают самодельные «лапы» и стучат по ним, набивая кулаки. Всё это нарушение режима содержания. Зэк должен только ходить и дышать воздухом, не занимаясь спортом. Занятия спортом — это подготовка к побегу, так, наверное, в своё время думал тот, кто запрещал. Конечно, если камера платит, во дворике можно делать всё. Многие даже виснут на решётчатой проволоке над головою и подтягиваются, как на турнике.

Баня это настоящий праздник, целое событие, позволяющее смыть накопившуюся недельную грязь. Если, конечно, его не испортят «банщики», сократив помывку до минимума. Если удается помыться пятнадцать минут, то, значит, просто повезло. Чаще бывает так, намылятся зэки, а их уже гонят одеваться. Те самые 50, 100 рублей дают возможность помыться дольше. Не у всех в тюрьме есть деньги, поэтому зэки приспособились мыться в камере. Самое простое, что можно сделать, это принять «джакузи». Или иначе сесть на унитаз задом наперёд и поливать себя водою. Нередко покупают у хозобслуги парниковую плёнку и делают из неё «душ». Если плёнки в камере нет, то, скопив определённое количество больших полиэтиленовых пакетов, делают «кишку» из них, вшивая с одной стороны молнию. В итоге получается этакая труба, с двумя отверстиями. Крепится она на канатиках за нары и вбитые в стену гвозди. Залезет в такую зэк, застегнёт молнию и принимает душ. Воду подают, если хороший напор, либо через шланг, либо — чаще — льют большими железными литровыми кружками (чифирбаки). В таком мытье

есть одно «но» — при обыске такой душ изымают, ссылаясь на запрет. Вот и прячут его до поры до времени то под матрац, то в наволочку, изображая подушку.

Прелесть одиночества

Несмотря на большое количество людей в камере, некоторые живут одни. Договорятся с оперативником, за которым закреплена хата, платят ему определённую месячную плату и обустраивают камерный быт под себя. Понаберут в камеру людей падших — алкоголиков и наркоманов, одного помоложе и посерьёзнее, чтобы поддерживал порядок ночью, и живут... днём. Остальные, как следствие, ночью. При этом днём обе нижние шконки пустуют. Зато ночью настоящее раздолье, так как количество сидячих мест возрастает. Одному и места больше и комфортнее жить. Установил в камере свой порядок, воспользовался методом кнута и пряника и сидишь себе спокойно, ждёшь конца след-

ствия или суда. С моральной точки зрения такое жизнеустройство в хате бесчеловечно и несправедливо. На что такой сиделец может ответить, что где, дескать, вы на свободе видели справедливость, когда одни живут так, другие эдак? Нередко от таких одиночек можно услышать, что с этими бандерлогами я бы на свободе есть и пить не стал, так почему же должен жить бок о бок здесь? У каждого своя правда. И правда в тюрьме за теми, у кого известность среди братвы да деньги, для создания своего камерного уюта. А для других, сидящих вшестером на «пальме», лежащих валетом под нарами, это хорошая жизненная школа, учащая лишь одному — НЕ ВОРОВАТЬ!

[СОДЕРЖАНИЕ]

[7] **ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИЙ**

[79] **ВОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ**

[79] Балансируя на краю пропасти

[81] Внимание! Гиблое место. Не подходи, не надо

[91] В психушке

[117] Осторожно, двери закрываются? Нет, заело!

[119] Буддист

[125] По лезвию бритвы

[145] Симпатия под чашечку капучино

[160] Работа малая в висок

[172] Мини-тюрьма в лифте

[176] Одесса

[189] **ПОДБОРКА «НА ТЕМУ»**

[191] Преступный синдикат

[194] Туда-сюда, обратно.
Тебе и мне приятно

[203] С камнем за пазухой,
или Кто сидит в наших тюрьмах

[213] Игры в клетке

[223] Тюремный быт,
или То, что остаётся за кадром

Книга не является источником для проверки правописания и правил русского языка.

При желании просьба направлять отзывы по e-mail: Vadimusja@yandex.ru

Советую читать
под песни Сергея Наговицына,
для лучшего восприятия.
Значит, ставим диск и читаем ещё раз?
☺

Чтобы эта книга увидела свет,
автору пришлось с метлой и лопатой в руках
*«зачистить» **709** вагонов из-под угля*

Все авторские права зарегистрированы
должным образом, поэтому...

ПЕРЕПЕЧАТКА ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ КНИГИ... РАЗРЕШЕНА
БЕЗ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПРОДАЖИ!
ССЫЛКА НА АВТОРА
ОБЯЗАТЕЛЬНА

ПЕТЕРБУРГСКИЕ «КРЕСТЫ»
Невыдуманные истории

роман-хроника

Корректор *Н. Д. Потановская*
Оригинал-макет *Л. А. Борисова*

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»

ISBN 978-5-98947-139-3

9 785989 471393

Подписано в печать 07.10.2008. Формат 70×90 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,9. Тираж 500 экз.
Заказ № 139-3.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru